

Раздел 1. АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

1

Среднесрочные экономические циклы: история, анализ, моделирование*

Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков

В статье представлен подробный анализ среднесрочного цикла деловой активности и его математическая модель. Показано, что важнейшая причина циклических кризисов проистекает из возникающих в результате экономических подъемов сильных структурных диспропорций не только между секторами экономики, но и между различными подсистемами обществ, а на современном этапе также за счет диспропорций в рамках Мир-Системы в целом.

Экономический кризис – это наиболее драматическая часть экономического среднесрочного цикла, или цикла деловой активности, длительностью в среднем от 7 до 11 лет. Экономика движется от кризиса к кризису, от цикла к циклу потому, что расширенное производство не предзадано, не происходит автоматически, а требует больших усилий, стимуляции, на пути которых встречаются постоянные препятствия. Для продолжения движения к более высокой отметке оказывается необходимым спад, который приводит систему в новое равновесие, требующее определенной перестройки.

Наша модель цикла деловой активности исходит из его деления на четыре фазы: 1) оживления; 2) подъема, или процветания (в которой мы выделяем подфазу перегрева, или бума); 3) рецессии (которая делится на подфазы острого кризиса и спада); 4) депрессии, или застоя. Подробно описано движение на всех фазах, указаны движущие силы цикличности, причины (в том числе и психологические) перехода от одной фазы к другой, особое внимание уделяется поворотным точкам от пика перегрева к острому кризису и от нижней точки падения к подъему.

Отмечается, что современный кризис по типу оказывается во многом весьма похожим на классические жюглярские кризисы. Этому способствует то, что сфера действия цикла стала глобальной, возможности регулирования с помощью государственных мер

---

* Исследование осуществлено при поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-30063).

оказались неэффективными, а межгосударственного регулирования финансовых процессов практически не существует. Отмечается анархичность экономического развития на глобальном уровне, которая в период экономического бума ведет к неуправляемому взлету цен на ряд товаров и активов, создает огромное напряжение в экономике и способствует наступлению внезапного и сильного краха.

Ключевые слова: среднесрочные циклы, циклы Жюгляра, кризис, ресурсы, бизнес-стратегии, поколения бизнесменов, фаза оживления, фаза подъема, фаза рецессии, фаза депрессии, кондратьевские циклы.

Вводные замечания

По проблемам цикличности в экономике XIX–XX вв. было написано огромное количество литературы (см. ниже). Однако в последние десятилетия XX в. экономисты стали о ней забывать, считая ее уже не особенно актуальной, скорее академической. Но жизнь показала, что напрасно: такая литература отнюдь не потеряла актуальности. Напротив, последний глобальный кризис подтвердил со всей остротой и беспощадностью, что, несмотря на выдающиеся успехи в отношении влияния на цикличность, экономика ни одной страны не застрахована от неуправляемых бурных подъемов и следующих за ними тяжелых и неожиданных кризисов и спадов. Мало того, финансовая глобализация существенно увеличила риски циклических колебаний.

В настоящей статье мы проанализируем основные черты среднесрочного цикла, или бизнес-цикла (продолжительностью 7–11 лет). Он также получил название цикла Жюгляра, по имени известного французского экономиста XIX в. К. Жюгляра (1819–1905), обстоятельно исследовавшего эти циклы (Juglar 1862; 1889)¹. Соответственно мы иногда называем их J-циклами.

1. Появление периодических циклических колебаний в индустриальной экономике

Как известно, в экономике имеется целая система экономических циклов, различающихся по длительности, начиная от краткосрочных (2–4 года) циклов Китчина (Kitchin 1923) и малых циклов, выделенных У. Митчеллом (1930)², включая среднесрочные циклы Жюгляра и более длительные

¹ Впервые среднесрочные циклы (7–11 лет) были названы именем Жюгляра в работах Й. Шумпетера, который разрабатывал типологию разных по длительности бизнес-циклов (Schumpeter 1939; 1954; см. также: Kwasnicki 2008). Некоторые экономисты (например, В. С. Джевонс, Э. де Лавеле, Дж. Миллс), которые работали примерно в одно время с Жюгляром, также внесли более или менее заметный вклад в изучение экономических циклов. Особо надо указать заслуги К. Маркса. Первый том «Капитала» был опубликован, как известно, в 1867 г. В нем Маркс совершенно определенно говорит о попеременном расширении и сокращении производства, которое принимает форму периодичности (см., например: Маркс 1960 [1867]: 647–648).

² Американские экономисты нередко называют их деловыми циклами, но из-за этого происходит путаница, так как в европейской традиции деловыми циклами называли именно

циклы Кузнецца (от 16 до 30 лет [Kuznets 1930]) и заканчивая длинными циклами Кондратьева (50–60 лет) (определения всех циклов см.: Grinin, Korotayev, Tausch 2016). При этом, несомненно, в той или иной степени, больше или меньше, все эти циклы взаимодействуют (см. наш анализ взаимодействия среднесрочных и длинных циклов: Там же; см. также: Гринин 2010; Гринин, Коротаев 2014а; Grinin, Korotayev 2014). Наиболее известными являются циклы Жюгьяра и Кондратьева. При этом для целей нашего исследования нелишним будет заметить, что и те и другие появились в результате завершения промышленной революции (см. о ней: Mokyr 1999; 2010; Mokyr, Foth 2010; Сабо 1979; Аллен 2013; 2014; Кларк 2013; Pomeranz 2000; Huang 2002; Голдстоун 2014; Гринин 2006; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015; Grinin, Korotayev 2015а).

Первая К-волна, которую выделяли Н. Д. Кондратьев и большинство других исследователей, началась примерно в конце 1780-х гг. Вовсе не случайно первое проявление повторяющихся процессов длинноволновой экономической динамики совпало по времени с завершением промышленной революции (период, также называемый *промышленным переворотом*). Можно считать, что завершающая фаза промышленной революции, собственно, и создала такое явление, как К-волны в экономике (по крайней мере, позволила увидеть их достаточно ясно). Дело в том, что только в период завершения промышленной революции производительные силы в достаточной мере стали обретать новое фундаментальное свойство – стремление к неуклонному и непрерывному расширению (до этого реализовывающееся формы цикличности, которые были связаны с ограничениями, встающими на пути расширения, и стремлением к их преодолению). Такое движение вперед, естественно, не могло быть равномерным, а подчинялось различным ритмам, общим свойством которых стала смена ускорения и торможения, вызываемого исчерпанием доступных для роста ресурсов, насыщением рынка, снижением нормы прибыли и т. п. ограничениями экономической экспансии.

Уже в развитии торговли в XVIII в. подобные ритмы присутствовали. Рождение первой К-волны в процессе завершения промышленной революции было первой формой цикличности, специфичной для индустриального принципа производства. Завершение промышленной революции и полноценное развитие стремления к расширенному производству ознаменовались появлением новой и наиболее явной формы цикличности – среднесрочного цикла, завершающегося циклическим кризисом. Первый подобный цикл можно датировать 1818–1825 гг., он завершился первым охватившим всю английскую экономику и частично экономики целого ряда стран циклическим торгово-промышленным кризисом, с которым

жюгьяровские (о разнице в американской и европейской традициях см.: Кондратьев 2002: 343; Хансен 1959: 73; см. также нашу работу: Гринин, Коротаев 2014б: 195–196).

традиционно связывают начало таких кризисов³. Характерно, что завершение повышательной фазы первой К-волны и открыло первый в истории полноценный среднесрочный экономический цикл. Есть все основания утверждать, что К-волны могли полноценно реализоваться только через среднесрочные циклы, поскольку суммированные депрессии среднесрочных циклов определяют общую понижательную динамику В-фаз К-волн, а агрегированные подъемы среднесрочных циклов – повышательную динамику А-фаз К-волн (см. подробнее: Гринин 2010; Гринин, Коротаев 2012; 2014а; Коротаев, Гринин 2012; Grinin, Korotayev, Tausch 2016)⁴.

Таким образом, и длинный кондратьевский, и среднесрочный жюгларовский циклы связаны с одним и тем же фундаментальным изменением – переходом производства к новому паттерну развития, то есть расширенному воспроизводству, основанному не просто на вовлечении новых ресурсов (это происходило и при аграрно-ремесленном производстве), а на расширении за счет регулярных инвестиций, инноваций и усовершенствований. Другими словами, *связь между длинными и среднесрочными циклами, с одной стороны, и появившимся стремлением производительных сил к постоянному расширению – с другой, имеет общий знаменатель, включающий в себя инновации в качестве важнейшей компоненты*. Отсюда очевидно, что оба типа экономического цикла связаны с более длительным (и более глубоким) циклическим изменением в производительных силах – производственными революциями, ведущими к смене одного принципа производства следующим. При этом цикл принципа производства включает в себя несколько генераций технологий и технологических парадигм.

Предшественники среднесрочных циклов. Исследователи среднесрочных циклов и кризисов XIX в. нередко уделяли значительное внимание также кризисам XVIII в. как весьма поучительным, а главное – во многом похожим на те, свидетелями которых были они сами. Действительно, общие черты (ажитаж, чрезмерное кредитование, неожиданные громкие банкротства, сжатие кредита, паника и падение оборотов) были в обоих столетиях налицо. И это неслучайно – целый ряд необходимых элементов для цикличности (за исключением, конечно, системы машинного промышленного производства, резко повысившего предложение товаров на рынке) в это время уже сложился. Складывался, как сказано выше, и императив постоянного расширения оборотов. Поэтому циклич-

³ Кризису, как и положено в среднесрочных циклах, предшествовал подъем, который в 1824 – начале 1825 г. перерос в подлинный бум учредительства, инвестиций, спекуляций (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2009а). Кризисы, происходившие до 1825 г. в промышленности, либо не были всеобщими, либо имели преимущественно характер торговых трудностей, вызываемых разными причинами (инфляцией, войнами и их окончанием и т. п.).

⁴ Попутно отметим, что рассматривать последовательность нескольких жюгларовских циклов как единый период, имеющий повышательный или понижательный импульс, предлагал еще А. Шпитгоф (см.: Кондратьев 1989 [1925]: 28). Но он не выделял длинные циклы (Там же).

ность, присущая индустриальному принципу производства, была ощутимой. Роль кредита также возросла. А поскольку среднесрочные циклы и кризисы связаны с колебаниями в кредите (на одних фазах цикла кредит быстро распространяется, но при ухудшении ситуации он резко сокращается, что способствует стремительному коллапсу), то и некий прообраз средних циклов можно увидеть в XVIII в., особенно во второй его половине с колебанием примерно в 10 лет (см.: Хансен 1959; Бродель 1986–1992: 270)⁵. В 1763 г. кризис начался в Гамбурге на фоне обесценивания денег в период Семилетней войны, но затем в результате колоссального банкротства братьев Нёввилл в Амстердаме приобрел европейский характер (Вирт 1877; Бродель 1986–1992). Затем был кризис 1772–1773 гг., проходивший на фоне жестоких неурожаев 1771–1772 гг. и, подобно предыдущему, включавший крупное банкротство Клиффордов в декабре 1772 г. (которое и стало детонатором обвала). Наконец, кризис 1780–1883 гг., явно усиленный военными событиями этого периода (в том числе военной блокадой берегов Голландии со стороны Англии), также приобрел большие масштабы в результате очередного крупного банкротства Ван Ферелингов в 1780 г. (см.: Бродель 1986–1992)⁶.

До европейских масштабов кризисы могли вырастать во многом потому, что торгово-экономические связи в западной (точнее, атлантической) части Мир-Системы существенно увеличились и стали более интен-

⁵ Д. Юм и Д. Риккардо полагали, что нашли ключ к разгадке повторяющихся циклов, состоящих из расширения и сжатия, из бумов и крахов, немало озадачивавших наблюдателей еще с середины XVIII в., именно в деятельности коммерческих банков, которые сначала безудержно раздают кредиты, а затем начинают их резко сокращать. Так, по крайней мере, утверждает М. Н. Ротбард (2005 [1969]). Правда, следует учесть, что Ротбард – представитель так называемой австрийской школы, считающей, что главная причина кризисов – чрезмерное кредитование, поэтому кредиты не должны превышать наличность. Что касается кризисов XVI – первой половины XVIII в., то они носили характер главным образом финансовых, связанных сначала с необеспеченностью крупных государственных займов, особенно в отношении Испании, а потом с крупнейшими финансовыми пирамидами в Англии (акции общества Южных морей) и Франции (система Джона Ло) в 1710-х гг. Тем не менее определенная регулярность наблюдается и в них, по крайней мере в XVI–XVII вв. «Генуэзские финансисты, создавшие эту системную связь между иберийской властью и итальянскими деньгами, управлявшие ею и наживавшиеся на ней, сами пострадали от целого ряда кризисов в 1575, 1596, 1607, 1627 и 1647 гг., причем во всех них была виновата Испания», – пишет, например, Дж. Арриги (2006: 179). Если также вспомнить о дефолте Филиппа II в 1557 г., в результате которого разорились знаменитые Фуггеры и стал хиреть Антверпен, усилившийся банкротством французского короля Генриха II, то мы получаем кризисы с интервалом примерно в 20 лет. Правда, нельзя не упомянуть о так называемом тюльпановом кризисе 1637 г. в Амстердаме, который несколько нарушает эту периодичность.

⁶ Затем, правда, кризисы участились и стали происходить каждые три-четыре года. Так, можно упомянуть кризисы 1787–1788, 1793, 1797, 1803 гг. Но они в значительной мере имели уже переходный характер между торгово-финансовыми и торгово-промышленными и главным образом шли уже на общем повышательном фоне А-фазы первой К-волны.

сивными. Неудивительно, что любые колебания конъюнктуры в одном месте оказывали влияние на другие. «Торговые и финансовые кризисы XVIII столетия, в каком бы специальном пункте они ни разразились, постоянно отзывались более или менее чувствительно и на остальных торговых центрах Северной Европы», – писал, например, немецкий исследователь кризисов XIX в. Макс Вирт (1877: 65). Неслучайно, с одной стороны, кризисы и в XIX в. долго назывались торгово-промышленными, так как они особенно быстро захватывали торговлю (которая всегда держалась на кредите). Но, с другой стороны, промышленными они стали далеко не сразу, в этом было существенное различие между XVIII и XIX вв. В XVIII в. кризисы были преимущественно торговыми, связанными с «расстройством кредита», то есть нарушением доверия в кредитной сфере и, как следствием, со сбоями в функционировании финансовой системы, а до 1825 г. промышленные кризисы (перепроизводства) хотя уже имели место в хлопчатобумажной и текстильной промышленности (Мендельсон 1959 [1964], т. 1), но их скорее можно считать локальными, причем нормальная длительность цикла еще не выработалась.

2. Среднесрочные циклы Жюгляра (J-цикл): цикл и его фазы, причины цикличности

В современной экономической науке нередко выделяют только две основные фазы: подъема и спада (экспансии и сжатия; есть и другие названия фаз), а моменты, соответствующие кризису, возникающему на пике перегрева, и низшему уровню спада, обозначают как точки перелома/перегиба (см.: Самуэльсон, Нордхаус 2009). Но вообще количество фаз может зависеть от детальности анализа и других причин⁷.

Весьма нередко также цикл делят на четыре фазы. Это особенно хорошо видно у экономистов предшествующих поколений, и мы считаем более релевантной эту классическую модель цикла. В каждой фазе также можно выделять по две подфазы. Тогда J-цикл состоит из четырех фаз:

- 1) оживления (подфазы старта и ускорения);
- 2) подъема (подфазы роста и бума);
- 3) рецессии (подфазы краха/острого кризиса и спада);
- 4) депрессии (подфазы стабилизации и сдвига).

⁷ Так (см. ниже), мы делим цикл на четыре большие фазы (исходя в целом из подхода Й. Шумпетера к распределению фаз цикла) и выделяем в итоге восемь подфаз (по две подфазы в каждой фазе). А, например, А. Бернс и У. Митчелл (Burns, Mitchell 1946) делят две большие фазы – экспансии и сжатия – на три подфазы каждую и рассматривают как отдельные короткие фазы поворотные точки (вершина, низина). Таким образом, у них получаются те же восемь этапов (девятый этап фактически относится уже к смежному циклу). В нашей критической статье «В защиту Н. Д. Кондратьева. Постраничные комментарии к статье А. С. Смирнова» (Гринин, Коротаев 2014б) этому аспекту уделено много внимания.

Рис. 1. Модель жюгляровского цикла

На фазе оживления происходит выход экономики из застоя (после более или менее длительной фазы депрессии), после того как в ней уже накопились необходимые капиталы, произошли основные банкротства, установилось определенное соответствие (равновесие) между спросом и предложением, ценами и затратами; за прошедший период произошло определенное переоборудование предприятий, а также уже могли быть сделаны выводы из предыдущего кризиса, например изменены некоторые правовые нормы.

На фазе подъема рост ускоряется, оживление становится всеобщим. Для активного подъема очень часто нужен внешний фактор, например в виде нового емкого внешнего рынка сбыта. Повышается спрос на ресурсы и товары, значительно увеличиваются инвестиции. Это обычно ведет к повышению цен. Растет спрос и на кредит, создаются новые предприятия, происходят активные спекуляции на бирже. Если рост продолжается и становится бурным, то экономика переходит в подфазу бума (перегрева), что ведет к напряжению денежного рынка, так как свободных денежных ресурсов не хватает. В итоге цены быстро растут, создаются так называемые «пузыри», усиливаются спекуляции.

Фаза рецессии. В конечном счете в процесс вмешиваются какие-то факторы (например, неожиданное падение спроса или цен, банкротство крупной фирмы, дефолт иностранного государства, дополнительный спрос на деньги при осложнении политической обстановки, новый закон, меняющий правила игры), в результате происходит крах и начинается острый кризис. Далее следуют спад в промышленности, банкротства, резкое уменьшение заказов, закрытие или частичная приостановка многих предприятий, рост безработицы и т. п.

Фаза депрессии – период застоя и очень вялого течения экономической жизни, когда экономика постепенно «приходит в чувство», отходит от горячки и краха, запасы рассасываются, цены обычно значительно

снижаются (в современную эпоху, правда, цены «ведут себя» во многом уже по-другому, чем раньше).

Таким образом, для J-циклов (особенно на повышательных фазах кондратьевских волн) часто характерен быстрый, иногда взрывной подъем (бум), сопровождающийся разгулом спекуляций с товарными и фондовыми ценностями и огромным увеличением числа рискованных операций, и затем еще более быстрый крах⁸.

Более обстоятельно анализ фаз цикла представлен ниже.

Причины циклических кризисов. Экономический кризис (крах, спад и депрессия) – это наиболее драматическая часть экономического среднесрочного J-цикла. Кризисы всегда являются результатом предшествующего активного роста, поскольку этот рост неизбежно создает структурные напряжения не только в экономике, но и в обществе в целом (институты общества рассчитаны на определенный объем и масштаб явлений и процессов). Но, разумеется, все кризисы при некоторых сходствах проходят по-разному. Кроме того, заметно отличаются они в зависимости от того, на какой – повышательной или понижательной – фазе длинной кондратьевской волны они случаются (см.: Кондратьев 2002: 380–381; см. также: Гринин, Коротаев 2014а; Grinin, Korotayev, Tausch 2016)⁹.

Период подъема, затем бума и перегрева экономики сопровождался:

- а) сильным и неадекватным ростом цен на сырье и недвижимость;
- б) чрезмерным спросом на кредиты и расширением инвестиций выше всяких разумных пределов;
- в) разгулом спекуляций с товарными и фондовыми ценностями;
- г) огромным увеличением рискованных операций.

Все это яркие черты цикла Жюгляра, неоднократно описанные в литературе самых разных школ. И, как можно судить, они имели место и в современном кризисе.

⁸ Подъемы среднесрочных циклов на понижательных фазах кондратьевских волн чаще менее бурные и активные (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2014а; Grinin, Korotayev, Tausch 2016).

⁹ Кондратьев, в частности, отмечал: «Характер фазы большого цикла, на которую приходятся данные средние циклы, не может не отражаться на ходе средних циклов. Действительно, если мы возьмем средние циклы, то очевидно, что все повышательные тенденции элементов, участвующих в средних циклах, будут ослабляться, а все понижательные тенденции их будут усиливаться общей понижательной волной большого цикла. Если, наоборот, мы возьмем средние циклы, падающие на повышательный период большого цикла, то будем наблюдать обратную картину. Отсюда – средние циклы, приходящиеся на понижательный период большого цикла, должны характеризоваться особой длительностью и глубиной депрессий, краткостью и слабостью подъемов. Средние циклы, приходящиеся на повышательный период большого цикла, должны характеризоваться обратными чертами» (Кондратьев 2002: 380–381). Это верно, с той только существенной поправкой, что, как нами было установлено, не среднесрочные J-циклы зависят от характера фазы K-волны, как считал Кондратьев, а, напротив, характер кластера J-циклов в значительной мере и определяет характер фазы K-волны (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2014а; Grinin, Korotayev, Tausch 2016).

Наш анализ также показал, что почти всегда в фазе подъема цикла особое значение приобретает какая-то новая финансовая технология (наряду со старыми, конечно) либо новый тип финансовых активов (Гринин, Коротаев 2010).

Резкость переходов от бума к краху была связана со стихийным, не регулируемым ничем, кроме рынка, развитием, поскольку государство недостаточно вмешивалось в экономическое развитие.

3. О некоторых подходах к проблеме цикличности и экономических кризисов в XIX – начале XX в.

«Кажется, кризисы, как болезни, являются одним из условий существования обществ, где господствуют торговля и промышленность. Их можно предвидеть, смягчить, отсрочить до определенного момента, облегчить возобновление экономической деятельности; но отменить их, несмотря на самые различные приемы, до сих пор никому не удавалось». Эти, казалось бы, давно забытые слова Клементы Жюгляра (Juglar 1862: VII), одного из первых, кто доказал, что экономические кризисы имеют периодический и циклический характер, к сожалению, вновь стали актуальными в 2008 г., то есть почти спустя 150 лет с момента их написания.

Жюгляр исследовал колебания цен, учетных ставок, металлических резервов банков во Франции, Англии и США и показал их совпадение с циклами роста деловой активности, инвестиций (и спекуляций) и занятости (*Ibid.*). Первое издание его книги вышло в 1862 г.

Важнейшей заслугой К. Жюгляра было то, что он убедительно доказал именно периодичность кризисов, или, по его выражению, «закон периодичности кризисов», согласно которому кризису предшествуют эпохи оживления, благополучия и повышения цен, а за ними следуют годы понижения цен, замедления торговли, что приводит экономику в угнетенное состояние (*Idem* 1889: XV). Наиболее известна идея Жюгляра, выраженная афористично: *главной причиной кризисов является процветание*. Именно с вкладом Жюгляра в анализ периодических кризисов часто связывают переход в экономической науке в целом от теории кризисов к теории бизнес-циклов (Хансен 1959: 363; Vesomi 2005: 1; см. также: Шумпетер 2004, т. 3: 1478).

Таким образом, кризис возникает не случайно, ему предшествует большое напряжение деловой активности и повышения цен¹⁰. Поэтому кри-

---

¹⁰ Здесь важно отметить, что до Жюгляра преобладали взгляды (опирающиеся на идеи «невидимой руки» Адама Смита [Смит 1935] и на закон рынков Сэя [см., например: Туган-Барановский 1917]), согласно которым состояние равновесия на рынке является основным, а всякого рода отклонения от него вызываются какими-то внешними факторами. Следовательно, и кризисы вызываются случайными факторами. Но и сегодня эти идеи внешних

зисы можно предсказывать. По словам М. И. Туган-Барановского (2008 [1913]: 294), К. Жюглярю неоднократно удавалось с успехом это делать¹¹.

Приведем краткое изложение М. И. Туган-Барановским (2008 [1913]: 294–295) предложенной К. Жюглярю схемы экономического цикла:

Промышленный кризис никогда не наступает внезапно: ему всегда предшествует особое возбужденное состояние промышленности и торговли, симптомы которого настолько характерны, что промышленный кризис может быть предсказан заранее... От чего же зависит эта правильная смена периодов возбуждения и упадка? Жюгляр¹² указывает одну основную причину: периодическое колебание товарных цен. Благополучная эпоха, предшествующая кризису, всегда характеризуется повышением цен: «Ежегодные сбережения цивилизованных наций, непрерывно увеличивающие их богатства, вызывают и поддерживают постоянное повышение цен: это – естественное состояние рынка, благополучный период. Кризис приближается, когда повышательное движение замедляется; кризис разражается, когда оно прекращается. Одним словом, главная, можно сказать, единственная причина кризисов есть приостановка повышения цен» (Juglar 1889: 33). Весь механизм развития кризиса Жюгляр представляет следующим образом. Повышение товарных цен имеет естественную тенденцию затруднить продажу товаров. Поэтому по мере того, как цены растут, торговый баланс делается менее и менее благоприятен для страны. Золото начинает отливать за границу в уплату за товары, вывоз которых перестает покрывать ввоз. Сначала этот отлив очень незначителен и не обращает ничьего внимания. Но чем выше цены, тем сильнее золото отливает за границу. Наконец, товарные цены достигают такой высоты, что сбыт товаров за границу становится крайне затруднительным. Не имея возможности уплачивать продукты за продукты, торговцы начинают возобновлять свои векселя в банках по мере истечения сроков их уплаты, и этим объясняется усиление дисконтной операции банков в период, непосредственно предшествующий кризису. Но, как бы ни отсрочивалась уплата, рано или поздно она должна быть произведена. Товарные цены сразу падают, затем следуют банкротства банков и торговцев, и наступает промышленный кризис.

Как можно видеть, центральным механизмом циклического колебания, по К. Жюглярю, выступают колебания цен: повышение их ведет к подъему и оживлению, понижение – к кризису и упадку. Исключительно важная роль колебаний цен не подлежит никакому сомнению; неувиди-

---

шюков (не без основания) имеют заметную популярность. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу.

¹¹ Но речь идет лишь об общем предсказании кризиса в период после фазы бума, поскольку предсказание момента кризиса с точностью хотя бы до года представляет очень большую сложность. Дело в том, что роль случайных факторов в самом срыве и начале рыночной паники настолько велика, что лишь некоторые статистические методы или рыночная интуиция могут помочь определить наступление критического момента.

¹² В цитате оставлено написание этой фамилии так, как было у Туган-Барановского.

тельно, что ее отмечали исследователи самых разных школ (см., например: Хаберлер 2008) и в том числе современники К. Жюгляра – К. Маркс и Ф. Энгельс. По мнению М. И. Туган-Барановского (2008 [1913]), с которым можно согласиться, теория К. Жюгляра, однако, не объясняет достаточно адекватно самого главного: фундаментальных причин повышения товарных цен в период, предшествующий кризису. Дальнейшие исследователи описали целый ряд механизмов такого повышения: от колебаний процентных ставок, кредитной экспансии и переинвестирования до учета поведения кривых совокупного спроса и совокупного предложения, а также психологических факторов вроде необоснованного оптимизма. Тем не менее эта проблема все еще продолжает быть предметом ожесточенных дискуссий, как и причины наступления кризисной фазы. Сам М. И. Туган-Барановский считал, что кризис вызывает нехватка капитала, так как капитал расходуется в период подъема быстрее, чем создается. В результате исчерпываются и кредит, и импульс к развитию, а структурные диспропорции ведут к кризисным явлениям (но необязательно в виде острого кризиса; он правильно отмечал, что сила кризиса зависит от силы подъема). Однако и эта идея подвергалась и подвергается критике (см. ниже).

М. И. Туган-Барановский подчеркивал, что школа Маркса – Энгельса дала для своего времени наиболее глубокое объяснение кризисов. Отчасти с этим можно согласиться. По их мысли, кризисы вызываются перепроизводством (являющимся следствием основного противоречия капитализма). А само перепроизводство обуславливается, во-первых, анархичностью капиталистического производства, во-вторых, бедностью масс, их эксплуатацией, тенденцией заработной платы к понижению. Вследствие характерного для капиталистической экономики роста органического строения капитала (то есть понижения в составе затрат доли заработной платы), по Марксу, происходит падение нормы прибыли¹³. Сокращение нормы прибыли капиталисты пытаются преодолеть внедрением новых машин, ведущих к росту производительности труда. А это ведет к расширению объема предложения товаров и, как следствие, к их перепроизводству, что периодически сталкивается (в связи с «анархией» капиталистического производства) с недостатком спроса. Кризис и является взрывом противоречий капиталистического производства, восстановлением равновесия¹⁴. Ряд марксистских исследователей дали весьма капитальное опи-

¹³ Явление, отмечаемое экономистами разных школ, но объясняемое по-разному.

¹⁴ «Периодическое обесценивание наличного капитала – это имманентное средство капиталистического способа производства, сдерживающее понижение нормы прибыли и ускоряющее накопление капитальной стоимости путем образования нового капитала, – нарушает сложившиеся отношения, в которых совершается процесс обращения и воспроизводства

сание истории и теории кризисов (см., например: Варга 1937; Мендельсон 1959 [1964]; Трахтенберг 1963 [1939]). Но К. Маркс, Ф. Энгельс и их последователи, на наш взгляд, не смогли показать истинную связь процессов производства и обращения (последние они игнорировали как якобы менее фундаментальную часть воспроизводства). Тем самым они не смогли показать и причины взрывообразности кризисов, резкого изменения ситуации в так называемых поворотных точках (то есть от бума к острому кризису и от низшей точки падения к подъему).

Ортодоксальная марксистская школа также исходила из того, что положение рабочего класса, согласно выдвинутому Марксом закону абсолютного обнищания рабочего класса, должно ухудшаться. Однако такое объяснение уже давно стало анахронизмом¹⁵. Имела место также теория недопотребления. Она была одной из наиболее старых, фактически такие взгляды зародились так же давно, как и сама наука политической экономии. Ее ранними наиболее выдающимися приверженцами являются лорд Лодердель, Т. Мальтус и Ж. Ш. Сисмонди. Фактически с ее идеями были созвучны и некоторые вышеупомянутые подходы.

4. Анализ некоторых взглядов на природу средней цикличности

В первой половине XX в. уже имелось множество различных подходов, объясняющих экономические циклы и кризисы как их неизбежную фазу. Продолжали еще существовать и модифицированные теории недопотребления (см. выше), и для ее научного пересмотра и распространения многое сделали Дж. А. Гобсон, У. Т. Форстер, У. Кэтчингс, Э. Ледерер.

Монетарные (денежные) теории видели причины цикличности в основном в кумулятивном характере расширения и сокращения деловой активности в зависимости от количества денег в экономике¹⁶. Наиболее ярким примером является теория Р. Хоутри (см., например: Hawtrey 1926; 1928), для которого торгово-промышленные кризисы выступали как чисто денежные явления, так как, по его мнению, изменения денежного потока достаточно для объяснения чередования процветания и депрессии. По его мнению, депрессия «представляет собой ослабление спроса на деньги,

---

капитала, и потому сопровождается внезапными приостановками и кризисами процесса производства» (Маркс 1961, т. 25, ч. 1: 273–274).

¹⁵ Данная теория крайне плохо сочетается со столь характерной для капиталистических стран реально наблюдаемой долгосрочной тенденцией к беспрецедентно быстрому (на всемирно-историческом фоне) росту уровня жизни (и реальных доходов) «непосредственных производителей» вообще и «рабочего класса» в частности.

¹⁶ Отметим, что с точки зрения общей теории систем речь здесь идет, по сути дела, о положительных обратных связях, подробнее о которых будет сказано далее. Действие этих связей может приводить к явлениям, непосредственно воспринимаемым как «бумы», «крахи» и «обвалы» (см., например: Sornette 2003). Об эволюции монетарных теорий см.: Столбов 2009.

а экспансия – увеличение этого спроса» (см.: Hawtrey 1913: 272). В целом, вне всякого сомнения, денежная составляющая цикличности и кризисов является очень важной, однако представители монетарных теорий придавали денежным факторам абсолютно доминирующее значение, игнорируя тем самым немонетарные причины.

Окончательно сформировалась и теория перенакопления, в истоках одного из направлений которой можно угадать идеи М. И. Туган-Барановского (2008 [1913]). Г. Хаберлер (Haberler 1958; Хаберлер 2008) делит представителей этих взглядов на сторонников монетарной и немонетарной теорий перенакопления. К первой группе относятся экономисты, которые считают, что денежные факторы, особенно при расширении кредита, вызывают сильные диспропорции между секторами экономики, производящими предметы потребления и средства производства (точнее, между секторами всей производственной цепочки). Представители этого направления внесли особо ценный вклад в плане анализа диспропорций в структуре производства, которые вызываются расширением кредита на стадии процветания и бума, а также в трактовку кризиса как результата этих диспропорций. К представителям данного направления относятся Ф. Хайек (см., например: Хайек 2008), Ф. Махлуп, Л. Роббинс, В. Рёпке, Р. Штригль. Многие представители данного направления принадлежат к так называемой австрийской школе, ведущей свое начало с работ Л. фон Мизеса (von Mises 1981 [1912]; фон Мизес 2005). Она видит важнейшую причину кризисов во вмешательстве государства в экономические процессы, в частности в искусственном расширении кредита, при этом особое внимание уделяется роли центральных банков в генерировании кризисов (см., например: Уэрта де Сото 2008; а также сборник *Экономический цикл: анализ австрийской школы* [Куряев 2005]; в том числе следующие статьи: Скоузен 2005; Ротбард 2005 [1969]; Шостак 2005). Таким образом, искажение структуры производства, по мнению многих из перечисленных авторов, вызывается не ошибочными действиями предпринимателей, а вмешательством правительств, которым хочется ускорить экономический рост, избежать кризисов и т. д., но в результате именно их действия и вызывают кризисные явления.

Другое – немонетарное – направление теории перенакопления представлено авторами, чьи теории строятся на основе учета неденежных факторов: изобретений, открытий, создания новых рынков и т. п., то есть факторов, обеспечивающих благоприятные условия для новых вложений. Представителями этого направления являются Г. Кассель, Э. Хансен, А. Шпитгоф, К. Виксель. К этому направлению в значительной мере примыкают работы А. Пигу и Й. Шумпетера.

Стоит упомянуть также и психологические теории. Хотя каждое экономическое явление имеет свой психологический аспект, некоторые теории (не без определенного основания) в трактовке различных фаз цикла придают первостепенное значение «психологической реакции», которая

может существенно усилить диспропорции, ускорить или задержать наступление новой фазы, способствовать или препятствовать росту деловой активности и т. п. К представителям психологической теории, которые приписывают психологическим факторам (таким как оптимизм, пессимизм, эйфория, паника) в определенных аспектах способность к достаточно независимому воздействию, можно отнести таких известных экономистов, как, например, Дж. Кейнс (1978 [1936]), Ф. Лавингтон (Lavington 1922), А. Пигу (Pigou 1967), Ф. Тауссиг (Taussig 1925), Р. Лукас (Lucas 1990). Определенное значение психологическим элементам в своих теоретических системах придавали У. Митчелл, Д. Робертсон, В. Рёпке и А. Шпитгоф (в отношении современных психологических аспектов экономических циклов и кризисов см. также: Сорос 1996). Психологии трейдеров уделил особое внимание Джордж Сорос в своей теории рефлексивности, которая описывает влияние мышления, психологии и настроений участников рынка и инвестиционных процессов не только на рыночные цены, но и на фундаментальные основы, стоящие за этими ценами (см., например: Сорос 1996). И хотя он писал не о среднесрочных циклах, а о биржевых колебаниях, очевидно, что кризисы нередко начинаются именно с биржевых паник и обвалов.

Таким образом, представления о причинах кризисов очень разнообразны, поэтому их трудно охватить с помощью одной классификации. Другая возможная классификация делит кризисы на эндогенные и экзогенные (см., например: Morgan 1991), что тесно связано с нижеизложенными подходами к природе состояния равновесия в экономике. Мы исходим из того, что хотя цикличность имеет внутреннюю (эндогенную) природу, так как связана с возникновением структурных диспропорций, но в то же время момент наступления кризиса и его глубина существенно зависят от внешних (экзогенных) влияний¹⁷. Дело в том, что экономику одной страны нельзя рассматривать изолированно, поскольку экономическое поле всегда намного шире одной замкнутой экономики, оно выступает как часть мир-системного экономического поля, вот почему в реальности внешние влияния должны обязательно наблюдаться (подробнее об этом см.: Гринин, Коротаяев 2010). Следует учитывать и такой важный аспект: если кризис в той или иной стране носит прежде всего эндогенный характер, то его ход и характеристики могут иметь существенные особенности по сравнению с протеканием кризиса в странах, где он вызван экзогенными причинами. Например, Китай или Индия к моменту начала в 2008 г.

¹⁷ «Как мы знаем, цикл есть результат сочетания случайных возмущений с экономической системой, кумулятивно передающей их действия... Нельзя игнорировать случайные силы, ссылаясь на то, что не существует отчетливо различного соотношения между их последовательностью и периодизацией самого экономического цикла» (Clark 1934).

глобального экономического кризиса далеко еще не исчерпали ресурс развития, и трудности в экономике в 2008–2009 гг. произошли в них под влиянием изменения внешних условий¹⁸. А поскольку в каждой стране внешние условия складываются в неповторимую комбинацию, то и протекание кризиса будет иметь важные особенности в каждом случае. В то же время в США и Европе кризис в большей мере носил эндогенный характер, поскольку ресурс развития их экономики оказался исчерпанным в большей степени, чем во многих развивающихся странах. Такая ситуация вообще во многом (хотя, конечно, далеко не всегда) свойственна протеканию кризисов в центре и на периферии Мир-Системы. В центре кризисы чаще носят более эндогенный характер, тогда как на ее периферии – более экзогенный, вызванный влиянием и колебаниями в экономике центра Мир-Системы¹⁹. Таким образом, любой кризис всегда имеет и эндогенные, и экзогенные причины, но их комбинация в каждом обществе в определенный период весьма различна, что придает каждой ситуации неповторимость.

Н. Д. Кондратьев (2002: 11–14) условно делил все подходы, во-первых, на такие, которые рассматривают экономические явления как статические, полагая ситуацию статического равновесия в экономике как основную, а отклонения от такого равновесия – как нарушение. К подобным Н. Д. Кондратьев относил взгляды У. Джевонса, Л. Вальраса, В. Парето, Дж. Кларка, А. Маршалла, К. Викасселя и др. Во-вторых, по Н. Д. Кондратьеву, в русле экономической динамики ведут свои исследования другие экономисты, которые полагают, что момент равновесия является не главным или даже случайным, а экономическое развитие проходит целый ряд закономерных фаз развития. К таким исследователям с теми или иными оговорками Н. Д. Кондратьев относил К. Маркса, К. Жюгляра, М. И. Туган-Барановского, А. Шпитгофа, Л. Поле, Ж. Лескюра, А. Афталиона, У. Митчелла. Но он указывает, что эти исследователи разрабатывали все же отдельные проблемы экономической динамики, и разработка их стоит как бы особняком от общего развития экономической теории. Тем не менее добавим, что именно они внесли огромный вклад в разработку теории

¹⁸ О начальных этапах экономических изменений в Китае в связи с мировым кризисом см., например: Карлусов 2009; см. также: Ершов 2009: 16. В целом проблемы в экономике этих стран выразились в некотором относительном замедлении темпов роста, а не в абсолютном падении производства.

¹⁹ Это отнюдь не исключает собственных экзогенных кризисов в странах периферии или полупериферии Мир-Системы (самые близкие нам примеры – это азиатский кризис 1997 г. или российский дефолт 1998 г.). Таким образом, слабые экономики на периферии испытывают двойную нагрузку – как от собственных внутренних диспропорций, так и из-за исчерпания спроса в центре Мир-Системы, и наоборот – быстро развивающиеся экономики периферии с большим резервом внутреннего спроса реже испытывают эндогенные кризисы и легче переносят экзогенные, повышая за счет снижения экспорта и роста кредитования насыщение внутреннего рынка.

экономического цикла (о типологии разных подходов к проблеме циклов – абстрактной и эмпирической теории и методологии см.: Макашова 2002: 10–11).

В аспекте указанного деления стоит отметить: по мнению ряда экономистов, сущность «кейнсианской революции» состояла в том, что идеи Дж. Кейнса подрывали веру во внутренние восстановительные силы рыночного механизма («невидимую руку» Адама Смита [1935]), что в глазах большинства экономистов того времени означало подлинный конец доктрины *laissez-faire* (см., например: Блауг 1994: 607; см. также: Шапиро 2008). Споры между кейнсианцами и сторонниками классической теории (которая господствовала в экономической науке до теории Кейнса и сегодня еще имеет очень много сторонников) ведутся главным образом вокруг вопроса: имеет ли экономика саморегулирующиеся силы²⁰? Классическая теория уделяет особое внимание долгосрочному экономическому росту, умаляя значение экономических циклов. Кейнсианцы полагают, что бескризисный рост экономики возможен лишь при наличии соответствующей кредитно-денежной и фискальной политики, выполняющей роль стабилизатора циклического развития. Иными словами, кейнсианцы считают, что рост экономики напрямую зависит от экономической политики *государства*, без которого такого роста может и не быть вовсе. Как образно отмечают П. Самуэльсон и В. Нордхаус (2009: 486–487), по мнению кейнсианцев, экономика предрасположена к продолжительным периодам повторяющейся безработицы, за которыми следуют спекуляция и рост инфляции. Если экономисту-классику экономика напоминает человека, ведущего здоровый образ жизни, то в представлении кейнсианца экономика – это маниакально-депрессивная личность, периодически впадающая то в безудержный разгул и беспричинное веселье, то в беспросветную тоску.

Начиная с 1950-х гг., но особенно в 1970–1990-е гг., дискуссии вокруг проблем цикличности были связаны с выбором параметров, через которые экономисты предлагали влиять на нее, чтобы уменьшить негативные последствия неравномерности развития экономики. Распространение и развитие теории Кейнса способствовало утверждению идеи о внутренней предрасположенности экономики к спадам и бумагам (то есть к циклам), но, с другой стороны, популярность идеи о возможности с помощью государственной политики влиять на протекание циклов привела к тому, что экономическая мысль сосредоточилась главным образом на инструментах такого влияния, а проблемы природы, глубинных причин цикличности и ее изменения постепенно ушли на периферию экономической науки.

²⁰ Саморегулирующимися силами в классической экономической теории считаются силы, связанные с поведением экономических агентов: предпринимателей, рабочих, покупателей, продавцов и т. п., обусловленные эластичностью заработной платы и цен, которые способны поддерживать экономику в состоянии полной занятости (то есть отсутствия существенной безработицы нефрикционного характера).

Наиболее известными из современных школ являются кейнсианская (точнее, уже некейнсианская) и монетаристская. Уже первые десятилетия после Второй мировой войны показали, что государственная политика влияния на экономические параметры (такие как совокупный спрос, совокупное предложение, учетные ставки и т. п.) имеет не только успехи; она, во-первых, далеко не всегда эффективна, во-вторых, не всегда исходит из долгосрочных экономических интересов, в-третьих, запаздывает из-за того, что необходимые решения и законы должны пройти долгую процедуру согласования и принятия, в-четвертых, имеет значительные транзакционные издержки, что резко снижает реальное значение мультипликатора. Все это определило рост популярности монетаристской теории, которая исходит из того, что государство должно меньше прямо вмешиваться в экономику, что его вмешательство должно быть более тонким и сосредоточиваться главным образом на регулировании денежной массы и скорости обращения денег, объемов государственного долга и размера кредитных ставок²¹. Важный вклад этой школы в макроэкономическую теорию заключался в идее следовать неизменным правилам денежного обращения, а не полагаться на волонтаристскую фискальную и кредитно-денежную политику.

Таким образом, главное различие во взглядах монетаристов и кейнсианцев состоит в подходах к определению совокупного спроса. Кейнсианцы считают, что на изменение совокупного спроса влияет множество факторов, а монетаристы полагают, что основной фактор, влияющий на изменение объема производства и цен, – это изменение предложения денег. Монетаристы исходят из того, что частный сектор стабилен, государственное вмешательство нередко только отбирает у него ресурсы; макроэкономические колебания возникают в основном из-за нарушения предложения денег. В целом расхождения возникают в плане того, какими инструментами влиять на цикличность, каковы должны быть роль и экономическая политика государства в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Еще более радикально и негативно в отношении прямого вмешательства государства в экономику настроена неоклассическая теория, которая выделилась из монетаристской. Неоклассики также исходят из идеи гибкости цен и заработной платы (данную теорию называют неоклассической, потому что она, как и классическая докейнсианская, исходит из идеи саморегулирования экономики). Как и монетаристы, они полагают, что влияние государства должно быть сосредоточено главным образом на непрямом регулировании экономики через различные денежные инструменты.

---

²¹ При этом представляется неслучайным, что переход доминирующих позиций в мировой экономической науке (и практике) от кейнсианцев к монетаристам пришелся на наблюдавшийся в начале 1970-х гг. переход от повышательной к понижательной фазе четвертой кондратьевской волны. А с другой стороны, такой переход позиций был обусловлен отказом от привязки к золотому стандарту, что привело к большим изменениям в поведении финансов, лишенных надежного якоря.

Однако важно понимать, что в последние 10–15 лет происходит процесс определенного и существенного синтеза старых и новых экономических теорий (см. подробнее: Самуэльсон, Нордхаус 2009: 505–507)²². В частности, неокейнсианцы стали больше внимания уделять ожиданиям, как предлагает неоклассическая теория.

5. Общесистемная модель возникновения кризиса

Таким образом, в настоящее время имеется множество теорий среднесрочных экономических циклов. Однако, несмотря на это разнообразие, в целом можно согласиться с Г. Хаберлером (2008; Haberler 1958), что налицо множественность причин воспроизводства экономических циклов (и соответственно их кризисных фаз), а теории различаются во многом тем, какое значение придается одним и тем же факторам (особенно это относится к современным теориям). Поэтому реальные различия во мнениях часто преувеличивались и преувеличиваются. Но все же различия есть, и они достаточно существенны.

Здесь уместно будет вспомнить, что говорил П. Сорокин по поводу столь же большого разнообразия во взглядах на факторы (движущие силы) истории. Его вывод вполне справедлив и для подходов к теориям о причинах цикличности экономического развития: «Число теорий факторов чрезвычайно велико, и одного уж этого факта достаточно, чтобы заключить, что каждый из социологов односторонен и не вполне прав. Но вместе с тем теория каждого из них разработана и доказана автором настолько основательно, что едва ли есть возможность отрицать частичную правоту каждой теории» (Сорокин 1992: 522).

Вот почему для понимания глубинных причин экономических кризисов очень полезно рассмотреть процесс более широко, попробовать найти более общую причину. Ее можно увидеть, если взглянуть с той точки зрения, что общие основания экономических кризисов связаны с особенностями индустриального товарного производства, которое по определению должно быть расширенным (об этом свойстве см., например: Kuznets 1966; Gellner 1983; Геллнер 1991; Abramovitz 1961; Полетаев, Савельева 1993; Гринин 2006; 2007а; 2007б; 2007в; 2010; Гринин, Коротаев 2010; Grinin 2006; 2007а; 2007б; Grinin, Korotayev, Tausch 2016)²³. С одной стороны, сама устойчивость современного общества зависит от того, имеет или не имеет место экономический рост. С другой стороны, постоянный экономический рост означает – и вот эта сторона гораздо меньше принимается во внимание, – что общество должно постоянно изменяться (в качестве исключения можно указать: Перес 2011). Но технико-экономический прогресс и эконо-

²² Фактический синтез кейнсианской и монетаристской теорий начался гораздо раньше.

²³ Такое производство включает в себя широкий спектр товаров: от сельскохозяйственных и промышленных до различных услуг, в том числе финансовых.

мический рост обычно происходят быстрее трансформации остальных сфер, в том числе и сферы общественного сознания (см. подробнее: Гринин 2003; 2006; 2007*a*; 2010; Grinin 2007*a*; 2007*b*; Гринин, Коротаев 2009*a*; 2010; 2014*a*). И такое различие в скоростях изменений так или иначе приводит к деформациям, напряжениям и кризисам (Там же). Таким образом, именно в том «моторе», который встроено в современное общество, и лежит неизбежность кризисов. Можно сказать, что кризисы в этом смысле имманентны индустриальной экономике.

Такая ситуация, как было показано выше, стала складываться как системная с момента частичного завершения промышленного переворота, то есть с 1820-х гг., в Англии и несколько позже – в других странах. По образному выражению Э. Геллнера (1991), производительные силы стали испытывать страшную, непреодолимую жажду экономического роста.

Отметим, что это была во многом совершенно новая ситуация в истории, когда общество требовало постоянного роста экономики, но в то же время должно было постоянно подстраиваться под этот рост, перестраиваться, все время находиться в процессе изменения. **Иными словами, важно учитывать, что рост и расширение вовсе не являются автоматическими процессами, напротив, они должны поддерживаться постоянно, а без соответствующих усилий рост замедляется и прекращается.** Однако постоянное расширение не может происходить само собой, так как сталкивается с преградами и явным или пассивным сопротивлением (объективной неготовностью, неспособностью, невозможностью и т. п.) различных институтов, слоев, ситуаций, для преодоления которых необходимы не только соответствующие общественные институты, но и очень значительные усилия членов общества (в том числе в виде готовности к изменениям)²⁴ (см. об этом подробнее также: Гринин, Коротаев 2012: Гл. 3).

Таким образом, кризисы всегда являются результатом активного роста, поскольку этот рост неизбежно создает структурные напряжения не только в экономике, но и в обществе в целом (ведь институты общества «рассчитаны» на определенный объем и масштаб деятельности и процессов). Это доказывается уже тем, что чем более быстрым является экономический подъем, тем сильнее может быть и кризис (примером этому являются Великая депрессия, кризис 1873 г. или современный кризис). Если же рост был небольшим, то и кризис будет носить характер депрессии (стагнации, а не обвала) либо экономический цикл будет выражен вовсе неясно. По нашим оценкам, объем экономики (или по

²⁴ Если, например, в обществе имеется обширный слой коррумпированных чиновников, то возможности предпринимателей для расширения производства сталкиваются с преградой коррупции и нечестной конкуренции. Сказанное о значимости усилий всего общества обеспечить возможности для роста производства важно и для понимания современных явлений в некоторых западных странах, где обнаружилось отсутствие ряда факторов, нужных для этого (в частности, никак не способствует росту потребность в полных гарантиях, которая гасит активность и энергию; то же самое можно сказать и о нежелании ничем жертвовать ради роста).

крайней мере промышленного производства) в некоторых экономических циклах мог увеличиваться в 1,5–2,5 раза за 7–10 лет, что, конечно, должно было сказываться на общих диспропорциях в собственно экономике и в обществе²⁵. Сказанное также хорошо показывает отличие между экономическим кризисом и кризисом в обращении (при ряде их общих черт): первый всегда является кризисом, вызванным реальным ростом, и потому он связан со структурными проблемами. Второй, как правило, не затрагивает общей структуры общества (иногда может носить чисто поверхностный характер), а если и затрагивает массы людей, то может происходить даже в условиях падения производства (примером чему могут служить обвалы финансовых пирамид в России и многих других посткоммунистических странах в 1990-е гг.).

Постоянное и ровное движение к увеличению и расширению экономики невозможно; рано или поздно создаются сильные диспропорции, поскольку либо старые институты оказываются неприспособленными к изменениям, либо изменение в одних элементах нарушает равновесие всей системы и ведет к стремлению различных ее частей вернуться к прежнему состоянию. Конечным результатом перемен становится тот или иной тип кризиса, среди которых экономический является одним из наиболее важных.

Например, как указывалось выше, экономический рост на десятки процентов вряд ли пройдет для общественной структуры полностью безболезненно. Даже если имеются большие ресурсы, скажем, рабочей силы в деревне, чтобы обеспечить индустриализацию в городе, то быстрая урбанизация может вызвать очень острые проблемы, чреватые социальными взрывами и революцией (о связи урбанизации и кровавых политических потрясений см.: Гринин, Коротаев 2009а; Коротаев и др. 2010: Гл. 5).

Таким образом, мы пришли к выводу, что экономические кризисы, как правило, системное явление, нарушение пропорций системы из-за того, что один или несколько ее элементов вырвались далеко вперед (см.: Гринин, Коротаев 2010; Гринин, Малков, Коротаев 2010а; Grinin, Korotayev, Malkov 2010). Это проявления ситуации, когда усилий общества не хватает для того, чтобы продолжать экономический рост, как может в определенный момент не хватить усилий наступающей армии для продолжения наступления. Причины, по которым военное наступление способно захлебнуться, могут быть самыми разными, но в целом они всегда сводятся к тому, что недостаточно ресурсов и сил, неверно выбрано направление главного удара, недооценены трудности, переоценены собственные возможности и т. п. Точно так же и экономические кризисы происходят по разным причинам, но общие их причины лежат в том, что в рамках имеющейся экономики ресурсы оказываются исчерпанными, трудности – недооцененными, возможности – переоцененными, известные способы решения проблем – неэффективными. И так же, как армии необходимо перегруппироваться, подтянуть резервы

²⁵ Такие темпы роста демонстрировали, например, в отдельные периоды XIX в. Англия, США, в 1950–1960-е гг., в частности, Германия, Япония, в 1970–1980-е гг. – Южная Корея, а в последние два десятилетия особенно Китай.

и сменить командиров, обществу и экономике необходимо перестроиться, в большей или меньшей степени изменить свою структуру, найти новые ресурсы и силы, новых людей.

Итак, экономика движется от кризиса к кризису, от цикла к циклу потому, что расширенное производство не происходит автоматически, но требует больших усилий, стимуляции развития, а на этом пути встречаются постоянные препятствия. Для продолжения движения к более высокой отметке оказываются необходимыми спад, который приводит систему в новое равновесие, и затем определенная перестройка. Таким образом, происходит как бы «рваное» движение: наступление – частичное отступление – новое, более глубокое наступление.

Определенное недопонимание того, что каждый данный экономический цикл не является повторением предыдущих циклов, а есть уже существенно новое состояние, только частично сходное с предыдущим, но во многом уже не похожее на него, наблюдается даже у самых проницательных исследователей кризисов. Например, М. И. Туган-Барановский (2008 [1913]: 326) приводит такое интересное сравнение: «Действие всего механизма можно сравнить с работой паровой машины. Роль пара в цилиндре играет накопление свободного денежного капитала; когда давление пара на поршень достигает известной предельной нормы, сопротивление поршня преодолевается, поршень движется, доходит до конца цилиндра, для пара открывается свободный выход, и поршень возвращается в прежнее место. Точно так же скопляющийся свободный денежный капитал, достигнув известных размеров, проникает в промышленность, движет ее, расходуется, и промышленность приходит опять в прежнее состояние. Естественно, что при таких условиях кризисы должны повторяться периодически. Капиталистическая промышленность должна *постоянно проходить один и тот же круг развития*» (выделено нами. – Авт.). Однако движение поршня в цилиндре символизирует самое простое повторение без качественных изменений, в то время как в промышленной экономике налицо не простое, а расширенное воспроизводство. Цикл, как мы его понимаем, – это вовсе не простое повторение, а повторение фактически только некоторых общих элементов развития, которое сочетается со структурным изменением, расширением и/или усложнением. Так, после каждого среднесрочного цикла расширялись объемы задействованных в мировых экономических отношениях территорий, сложность взаимосвязей в рамках Мир-Системы, менялась ее структура: расширялся или сдвигался ее центр, периферия становилась полупериферией, хинтерланд – периферией и т. п. (систематический анализ такого изменения от цикла к циклу см.: Гринин, Коротчаев 2010). То же самое происходило в отдельных обществах, где после каждого цикла следовали реформы, революции, объединения и т. п.²⁶

²⁶ Это одна из причин, почему даже при знании закономерностей циклического движения экономики столь сложно правильно реагировать на кризисные явления. По подобному поводу Г. В. Ф. Гегель замечал: «В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходи-

С учетом того, что само капиталистическое крупное машинное производство могло иметь место только в уже достаточно развитой Мир-Системе, кризисы следует рассматривать как явления, протекающие в рамках намного более широких, чем отдельное общество. Отсюда не стоит внешние факторы, влияющие на функционирование экономической системы общества, воспринимать как нечто чуждое «сущностной» модели кризиса (как это делал, например, Й. Шумпетер [1982]). Напротив, нарушение или добавление неких отрицательных/положительных внешних моментов существенно влияет на ход кризиса и, можно сказать, часто даже «требуется» для того, чтобы он протекал в ярко выраженных, «классических» формах. К тому же способность экономики к динамичному развитию в отдельных странах со временем ослабляется, равно как и способность к инновациям, поэтому время от времени происходит смена центра Мир-Системы и ведущих конкурирующих с ним центров. Динамизм уходит из экономики этих стран (как это произошло в свое время в Англии, Германии, Японии и, похоже, происходит сегодня в США).

Рассмотрим теперь, как может быть представлена общесистемная модель возникновения кризиса исходя из вышесказанного (см. Рис. 2). Итак, после фазы депрессии наконец наступает фаза оживления (описание и последовательность фаз цикла см. выше и ниже). Предположим, что в норме развитие в фазе оживления не должно идти дальше той точки, которая оказалась высшей в этой же фазе предыдущего цикла. Соответственно уже в фазе подъема, когда экономика получила дополнительные импульсы к развитию, рост может или даже должен превысить высшую точку развития предыдущего цикла. Но как далеко способна развиваться экономика? В принципе подъем должен идти до условной точки **оптимального для данной системы роста**. Свойства этой точки: а) находится выше, чем наивысшая точка развития предыдущего цикла, так как за счет инноваций и антикризисных мер уровень экономики поднялся²⁷; б) ее достижение не грозит системным кризисом и крахом.

Однако обычно развитие не идет по оптимальной траектории. Как правило, подъем продолжается и выходит за пределы оптимальной величины. Это происходит уже из-за того, что производственный цикл растянут во времени, существуют значительные временные лаги, связанные со сроками введения новых мощностей, получения отдачи от инноваций, временем, в течение которого кредит работает на повышение; нужно время, пока негативные тенденции (порой не известные ранее) проявят себя, пока они осознаются участниками рынка и т. п. В результате даже если бы предприниматели и стремились к такого рода оптимизации роста (а они стремятся именно к максимизации этого роста), все равно происходило бы «проска-

---

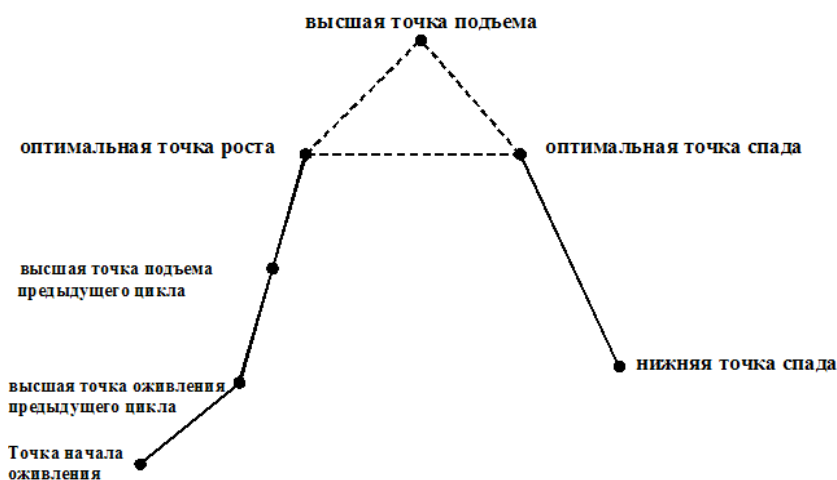
мо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния» (Гегель 1934: 7–8).

²⁷ Но возможны, хотя и редки, случаи, когда подъем следующего цикла может оказаться ниже высшей точки предыдущего цикла.

кивание» оптимальной (то есть бескризисной) точки развития. И чем активнее идет рост, чем шире кредитование, чем энергичнее действуют участники повышательного тренда, тем глубже может оказаться такое «проскакивание».

Таким образом, кризис и спад оказываются неизбежными по причине того, что развитие в фазе подъема «проскакивает» **точку оптимального роста**. А эту точку нужно рассматривать также и как временный аттрактор, к которому при обычных обстоятельствах стремится вернуться экономика. При этом чем дальше удастся «проскочить» этот аттрактор, тем болезненнее затем спад. В свою очередь, по закону маятника понижательное движение теперь не просто достигает этого аттрактора, но «проскакивает» его вниз (см. Рис. 2)²⁸. Окончательно система придет в равновесие теперь только после того, как завершится фаза депрессии и начнется фаза оживления.

Из Рис. 2 видно, что: а) оптимальные точки как подъема, так и спада лежат примерно на одной линии; б) точка нижнего спада обычно все же располагается выше, чем точка начала подъема; это показывает, что за счет такого рода колебаний в целом происходит поступательное движение экономики.

Рис. 2. Схема возникновения кризиса в цикле экономического развития

²⁸ При антициклической политике путем некоторых мер, например повышения учетной ставки в период бума, неоднократно удавалось понизить уровень этой наивысшей точки и соответственно избежать последующего спада.

6. О некоторых важных особенностях циклических экономических кризисов

Как мы видим, все кризисы своеобразны, хотя в них имеются и значительные общие черты. Эти черты цикличности мы более подробно анализируем ниже. В то же время на некоторые важные характеристики экономических циклов, которые заканчиваются кризисами, многие исследователи в своих теоретических конструкциях обращают недостаточно (или вовсе не обращают) внимания, что, по нашему мнению, не всегда дает возможность для адекватного понимания ситуации. Поэтому нам представляется важным указать на следующие моменты.

6.1. Экономические кризисы и финансовый сектор

Кризисы наиболее часто и наиболее резко (остро, быстро, с паникой) происходят в финансово-кредитном (включая биржу) секторе. И это вовсе не случайно. Экономика состоит из множества отраслей и сфер, в каждой из которых дела могут пойти по-разному. Но общий подъем и общие затруднения (или, по крайней мере, сложности, затрагивающие целый ряд отраслей) обязательно проявляются во всеобщем эквиваленте, которым являются деньги, ценные бумаги, золото и т. п., а равно и в общем индексе цен. Поэтому как увеличение спроса на ресурсы в большей части экономики, так и спад спроса на них выражаются в напряжении финансового рынка, росте цен, либо наоборот – в падении курсов, индексов, цен. Это находит свое зримое выражение в ситуации всеобщей эйфории на биржах, кредитном рынке и т. п. или, напротив, в панике и бегстве от бумажных ценностей. Поэтому весьма типичной и впечатляющей по выразительности является лаконичная схема С. Дж. Лойда (лорда Оверстона), представителя так называемой денежной школы в политэкономии: «...спокойствие, улучшение, возрастание доверия, благополучие, возбуждение, спекуляция, потрясение, паника, застой, угнетение и опять спокойствие» (см.: Туган-Барановский 2008 [1913]: 298; см. также: Хансен 1959). У. Джевонс отмечал, что развитие экономического цикла связано со сменой настроений оптимизма, ажиотажа, уныния, разочарования и паники (Энтов 1979: 405; см. также: Хансен 1959)²⁹.

Таким образом, практически любые циклические кризисы связаны с расстройством (падением или даже обвалом) денежного (золотовалютного) обращения, биржевых курсов акций и других ценных бумаг (облигаций, векселей и т. п.), с различного рода спекуляциями (в том числе акциями, сырьем, земельной и жилищной недвижимостью, участками, богатыми полезными ископаемыми и т. п.)³⁰.

²⁹ Английский экономист XIX в. Дж. Миллс, например, считал, что объяснение кризисов следует искать в душевных особенностях человека, так как кредит, колебания которого составляют самую характерную черту кризисов, есть явление духовного порядка (Mills 1868).

³⁰ Это дает некоторым аналитикам основания говорить, что все финансовые кризисы, начиная со знаменитой «тюльпановой лихорадки» XVII в. в Голландии, развиваются по одной

Поэтому чисто экономических (в смысле – чисто промышленных) кризисов практически не бывает и, возможно, даже не может быть. Экономические кризисы всегда связаны с кризисами в области обращения во многих, а нередко и во всех сферах экономики: банковско-кредитной, золотовалютной, биржевой, внешнеторговой, оптовой и розничной торговле, в области движения капиталов, эмиссии ценных бумаг, в сфере спекуляций различными ценностями, включая недвижимость. В некоторых случаях именно эти сферы являются ведущими в плане основного вектора кризиса, в других – ими являются процессы, протекающие в легкой или тяжелой промышленности, строительстве и транспорте (в которых создаются чрезмерные запасы, возникают слишком большие объемы производства, долгосрочных инвестиций, чрезмерные долги по кредитам и т. п.). Баланс такой «ответственности» за кризис в каждом случае (и в каждой стране в период даже одного мирового кризиса) может быть весьма различным. Кризисы в области обращения, связанные с расстройством в области финансов, фондов, бирж, торговых операций, могут предшествовать промышленным (экономическим), проходить одновременно с ними или случаться позже. Кризисы обращения в этом случае обычно угнетающе действуют на всю экономику. Таким образом, спад в разных секторах экономики и кризис обращения выступают как взаимосвязанные проявления фаз рецессии и депрессии в экономическом цикле.

Однако нередко кризисы *нециклического типа*, случающиеся в сфере банков, обмена валют, бирж, отдельных областей торговли, спекуляций и прочих институтов, которые не затрагивают народное хозяйство и экономику в целом в такой мере, как циклические. Нециклические кризисы обращения имеют сравнительно узкий или специальный характер. Иными словами, такие кризисы могут быть сильными и острыми, но не являться частью циклических экономических кризисов (такой кризис может вообще не повлиять на ход цикла, например не прервать фазу подъема).

Теснейшая связь между обращением и промышленностью становится еще более понятной, если учесть важность для развития промышленности объемов товарных запасов, стоимости транспортных перевозок товаров, колебаний спроса на промышленные товары со стороны торговли, цены аренды и прочих услуг, а все это невообразимо сложно переплетено с кредитными, валютными и прочими сферами. И стоит произойти сбою или резкому перепаду в какой-либо части этого сложного механизма, и он начинает работать совсем не так, как ожидается его участниками. Например, если спекулянты – в надежде, что цены на сырье, топливо или иные

схеме (см., например: Minsky 1983; 1985; 1986; 2005). При существенной верности этого вывода (в том числе в психологическом плане) он все же является значительным упрощением, поскольку каждый финансовый, тем более экономический, кризис имеет многофакторный характер (см.: Хаберлер 2008; Гринин, Коротаев 2010), в каждом налицо особое сочетание причин плюс собственные важные особенности, что всегда делает его непохожим на другие (см. также: Хансен 1959).

ресурсы, необходимые в промышленности, начнут повышаться – станут покупать эти ресурсы, чтобы усилить их дефицит и искусственно «вздувать» на них цены, а цены вопреки ожиданиям прекратят рост, то это может привести к негативным последствиям. Сначала к чрезмерному предложению данных ресурсов (деньги-то необходимо вернуть), падению цен на них, разорению части спекулянтов и поддерживающих их банков, а затем к обвалу экономики в целом, при котором пострадают уже много других участников экономического процесса, в том числе промышленники, биржевики, торговцы, банки, выдавшие им всем кредит, вкладчики и т. п. Другими сферами, где особенно тесно переплетаются промышленные и финансовые интересы, являются: учредительство новых фирм и акционерных обществ (куда вкладывается капитал большого числа финансовых учреждений и частных лиц)³¹, строительство жилой недвижимости, продажа земельных участков и т. п.

6.2. Внешний фактор

Почти каждый экономический цикл и циклический кризис имеют, условно говоря, некое внешнее расширение, то есть они никогда не замыкаются только в рамках одной страны, а всегда опираются как на важный элемент на внешнеэкономические связи; а экономики целого ряда стран вообще не могут развиваться без внешнеэкономической направленности. Иначе говоря, мы полагаем, что без внешнеэкономической составляющей многие кризисы просто не случаются (даже если они и имеют в первую очередь внутренние причины и основы). С другой стороны, без нее часто не может быть и фазы подъема, так как развиваться экономике в замкнутой национальными рамками среде оказывается некуда. Фактически в эволюцию цикла всегда вовлечена внешняя торговля, на которую ориентируется большая часть экономики, динамика цикла (подъем и затем спад) связана с экспортом/импортом капиталов, с конкуренцией с другими странами за рынки; а кризисные явления усиливаются в результате нарушения золотовалютного, внешнеторгового баланса либо с колебаниями объемов импорта важных ресурсов и т. п. Так, английская хлопчатобумажная промышленность, будучи, конечно, чисто английским внутренним явлением, возникла и развертывалась как промышленность, работающая на мировой рынок, поставляя за рубеж от 2/3 до 4/5 всех производимых тканей (см., например: Мендельсон 1959 [1964], т. 1: 143–144; Трахтенберг 1963: 114). Вот почему расширение или сужение внешних рынков не могло не сказываться самым чувствительным образом на состоянии промышленности в Англии. С другой стороны, она зависела от импорта хлопка, поэтому сбои в его поставках вызвали кризисные явления. «О неблагополучии в собственном доме фабриканты Ланкашира узнавали из сообщений о расстройстве торговли, падении

³¹ М. И. Туган-Барановский говорил (2008 [1913]: 317): «Всякому кризису обязательно предшествует грюндерство – устройство огромного числа новых предприятий. Но ведь грюндерство есть не что иное, как создание нового основного капитала страны».

цен и банкротствах в странах, отделенных от Англии сотнями и тысячами километров, морями и океанами» (Мендельсон 1959 [1964], т. 1: 143–144).

На протяжении трех четвертей века главной отраслью Англии была обработка хлопка, и до середины XIX в. английские кризисы были прежде всего кризисами хлопчатобумажной промышленности. Но и когда ведущей отраслью английской экономики стала тяжелая индустрия, зависимость от экспорта не уменьшилась, поскольку Англия вывозила за границу большую долю продукции своей тяжелой индустрии. Так, в 1850 г. Англия экспортировала в виде готовых изделий и полуфабрикатов почти 45 % всего выплавленного в стране чугуна (Там же). Одновременно с этим рос экспорт капитала из Великобритании (в меньшей степени из других стран), что, кстати говоря, значительно трансформировало протекание ее собственного внутреннего цикла (на этот аспект экономической жизни Англии особое внимание обратил М. И. Туган-Барановский [2008/1913]).

6.3. Ограниченность направлений сверхвыгодного приложения капитала

В экономике в период ее вялого или медленного развития накапливается большое количество капиталов, владельцы которых получают на них скромный процент. Естественно, что значительная их часть обычно желает существенно увеличить доходность своего капитала. Такое желание, однако, сталкивается с ситуацией недостатка **выгодных объектов для приложения капитала**. Хронический дефицит предложения объектов выгодного приложения капитала создает потребность в его вывозе.

Однако о таком дефиците правомерно говорить и в период достаточно быстрого подъема. Хотя в целом в этот период капитала уже может не хватать, однако – поскольку он стремится к наибольшим прибылям – объектов, где можно получить наибольшие прибыли, всегда не хватает. А потому за них разгорается яростная борьба, которая проявляется прежде всего в росте стоимости этих объектов (а нередко – в использовании различных неэкономических или незаконных способов, в том числе близости к государственным органам, подкупа и т. п.). Ограниченность объектов сверхвыгодного приложения капитала является одной из главных причин «надувания» финансовых «пузырей».

Мы имеем в виду прежде всего такие ресурсы или объекты, которые по своей природе ограничены (редки, дефицитны) либо их предложение очень неэластично в отношении спроса. Таковы объекты недвижимой собственности в определенных районах стран и городов; наиболее выгодные государственные или иные крупные контракты; районы с богатыми полезными ископаемыми, на добычу в которых надо получить лицензию; некоторые строительные площадки; некоторые виды акций и ценных бумаг; некоторые услуги крупнейших монополий и многое другое. К таким ресурсам в период быстрого роста цен относятся также сырье и продоволь-

стве, помещения³², увеличить предложение которых быстро невозможно; а также некоторые виды сложных машин и оборудования, которые невозможно быстро произвести. Фактически чем активнее идет подъем, тем сильнее сказывается указанная дефицитность выгодного приложения капитала. Это может выражаться в трудности найма рабочей силы и квалифицированных специалистов, в необходимости долго ждать выполнения заказов и т. п. При этом такой дефицит усиливается за счет того, что рынок капиталов, ищущих приложения, расширяется путем расширения кредита и акционирования (Гринин, Коротаяев 2010).

Высокий и неудовлетворенный спрос на выгодное вложение капитала время от времени рождает новые предложения. Последние могут быть реализованы в виде выгодных займов, открытия новых промышленных или транспортных технологий, куда устремляется капитал, но может появиться предложение в виде создания или совершенствования **новых финансовых, торговых и т. п. технологий**. Возникновение же кластера революционных технологий многие исследователи рассматривают как важнейшую причину начала новой К-волны (см.: Гринин 2012; Коротаяев, Гринин 2012). Но, конечно, развитие технологий не одномоментный процесс, он продолжается постоянно. И, по нашему мнению, почти каждый цикл предваряется теми или иными важными изменениями в этих технологиях. В одной из своих работ мы попытались показать, какие изменения в финансовых технологиях появлялись в каждом новом цикле (Гринин, Коротаяев 2010). Это тем более важно, что и современный кризис тесно связан с новыми финансовыми технологиями (см.: Там же; см. также: Гринин 2009а; 2009б; 2009в; 2009г; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2010; Кудрин 2009; Суэтин 2009б; Григорьев, Салихов 2008; Фельдман 2009; Головин 2009).

Стоит также указать, что многие финансовые инновации прямо связаны с техническими (о такой тесной связи см.: Gille 1976; Перес 2011). Например, широкое введение в практику телеграфа и телефона коренным образом изменило работу бирж, резко повысило их значение, скорость работы, объемы вовлеченных в них лиц и т. п. Однако на указанную взаимосвязь финансовых и технических инноваций обращают недостаточно внимания (см., например: Доронин 2003: 103; Хелд и др. 2004: 225; Held *et al.* 1999: 192)³³.

6.4. Изменения в обществе в связи со случившимся кризисом

Как следует из вышесказанного, для того чтобы после спада и депрессии начался новый циклический подъем, необходимы значительные измене-

³² С этим связаны, в частности, особенности протекания так называемых строительных циклов, или циклов Кузнеца (см., например: Хансен 1959).

³³ Впрочем, нелишним будет заметить, что важную роль играет также развитие технологий потребления (см., например: Ланкастер 1993) и маркетинга.

ния в обществе, причем не только в экономике, но и в социальных, правовых, политических и иных отношениях. Иногда такие изменения происходят стихийно (это может быть связано с демографическими процессами, например миграцией в города, с социальными процессами – превращением крестьян или ремесленников в наемных рабочих и т. п., с созданием новых видов промышленности и пр.). Рост экономики не всегда, но нередко означает, что какие-то слои богатеют, а какие-то – беднеют (обычно относительно, но иногда и абсолютно). К последним, беднеющим, могут относиться и бывшие высшие (аристократические) классы, что создает конфликт элит. Но такие изменения рано или поздно вызовут изменения и в правовых, политических, идеологических сферах. Если же изменения будут затягиваться, могут вспыхнуть революции и волнения (события Арабской весны еще раз подтвердили это). С другой стороны, после кризисных явлений государство обычно стремится внести какие-то изменения в законодательство, чтобы застраховаться от их повторения. Такие изменения не всегда могут быть удачными, только путем проб и ошибок находят правильные решения. Но, так или иначе, без существенных изменений в обществе (в том числе структурных) новый экономический цикл может оказаться слабым. Это также частично объясняет, почему время от времени экономическая цикличность и кризисы в старых индустриальных обществах проявляются слабее, но одновременно усиливаются в других обществах (это происходит особенно в том случае, если центр экономических процессов в мире, в Мир-Системе смещается; как, например, он сместился от Англии к США в первые десятилетия XX в.).

6.5. Определение кризиса

Поскольку понятие *экономического (циклического) кризиса* не имеет общепринятого толкования в экономической науке, подчеркнем, что *экономическим (циклическим) кризисом в рамках настоящего исследования мы называем весь период, связанный с переломом тенденции экономики от повышательного тренда к понижательному, включая период спада в экономике, то есть всю фазу рецессии, а также часть фазы депрессии, иногда еще более тяжелой по последствиям, чем собственно спад*. Таким образом, *циклический кризис мы рассматриваем как большую часть экономического цикла, когда потенции к росту временно оказываются исчерпанными и принудительно восстанавливаются пропорции, более соответствующие наличным возможностям общества; как часть цикла, в течение которой структурные противоречия и несоответствия общества сначала становятся на время непреодолимыми, а затем частично разрешаются, открывая возможности для начала нового цикла*.

Таким образом, момент (подфаза) острого кризиса (см. ниже) представляет собой только часть (хотя и, возможно, самую драматическую) всего периода циклического кризиса.

Следует учитывать, что в реальной экономике действуют различные тенденции и наблюдаются циклы различной длительности. В ходе экономического цикла также нередко происходят различные модификации, возникают отдельные промежуточные кризисы или слабые рецессии; также сроки циклов в разных странах могут не совпадать; одновременно с экономическими могут действовать аграрные или иные кризисы и т. п. Вот почему границы среднесрочных циклов не всегда легко указать. В частности, первые кризисы XIX в. были гораздо более четко выражены в Англии как наиболее развитой индустриальной державе, чем в остальных странах, которые шли в фарватере Британии. Но зато в конце XIX – начале XX в. уже в Англии цикличность и особенно циклические кризисы стали выражаться не столь ясно, как в Германии или США (см., например: Туган-Барановский 2008 [1913]).

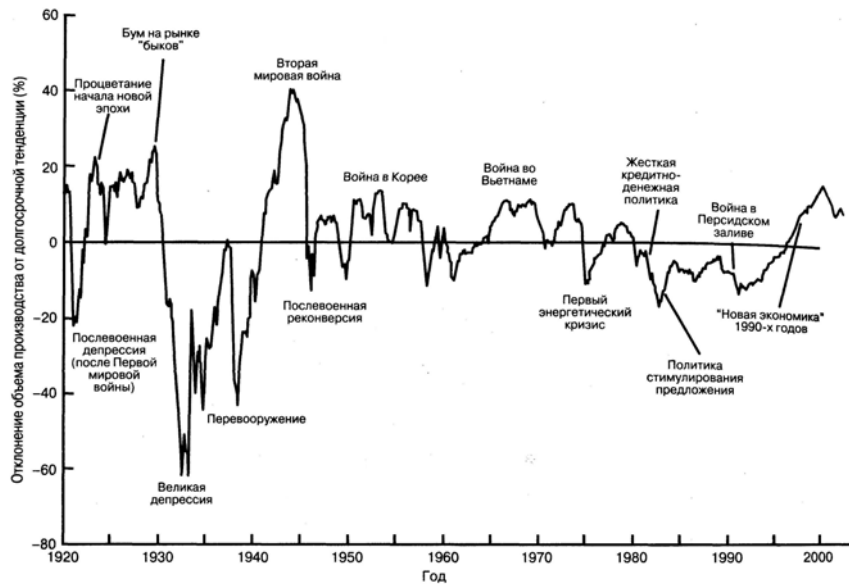
7. К вопросу о длительности среднесрочного цикла

Объяснение длительности J-циклов. Чем определяется длительность J-цикла? В литературе нет четкого объяснения длительности жюгляровских циклов в 7–11 лет. По нашему предположению, минимальная и максимальная длина J-цикла вытекает из вполне естественных обстоятельств. Если брать цикл, состоящий из четырех фаз, то даже при средней длине каждой фазы в один год период цикла составит 4 года (но надо учитывать, что в каждой фазе можно выделить по крайней мере две подфазы [см. выше]). Конечно, можно допустить, что на повышательных фазах кондратьевских циклов, когда налицо общая активность экономики, собственно рецессия, даже депрессия и оживление могут длиться один год. Рецессия в случае резкого падения и быстрого достижения дна может длиться даже меньше года. На понижательных фазах кондратьевских длинных циклов две последние фазы нередко делятся по два года и даже по несколько лет (как мы увидим ниже, это зависит от того, наступила ли более депрессивная или активная полоса). Однако фаза подъема в один год – редкое явление. Ведь подъем длиной в год никак не может вызвать перегрева.

Чтобы подъем перерос в бум и состояние перегрева, нужно быстрое развитие хотя бы в течение трех, а то и более лет. Первые два года подъем идет еще за счет использования высвободившихся ресурсов и проведенных изменений. Два года подъема начинают вселять в бизнесменов уверенность, что дела налаживаются. Они начинают активнее инвестировать, расширяется кредит, начинается рост цен на ресурсы. Но чтобы развитие достигло предела, за которым относительно легко достигаемый экономический рост становится уже невозможным, нужно значительное увеличение ВВП, что даже при быстром ежегодном росте потребует не менее 4 лет. Только за это время надуваются «пузыри», цены доходят уже до рекордов и кредитная экспансия испытывает перегрузку. В любом

случае 4–5 лет подъема плюс 3–4 года остальных фаз уже составляют 7–9 лет. Но подъем при благоприятных условиях может длиться и дольше, так же как депрессия при неблагоприятных условиях может продолжаться 3–4 года. (Эмпирические данные о длительности разных фаз J-циклов мы приводим в: Гринин, Коротаев 2012: раздел *Логика корреляции вектора J-циклов и фаз K-волн.*)

Уникальность каждого цикла. Каждый цикл и похож, и очень не похож на другие и в этом плане является уникальным, как войны, революции и другие исторические события. Это хорошо видно на графике (Рис. 3), который отражает реальные изменения деловой конъюнктуры в США с 1919 г. На этом же рисунке можно ясно увидеть сложности в определении длительности цикла. Хотя длительность среднесрочного жюгляровского цикла достаточно часто определяется в интервале 7–11 лет, однако бывают циклы короче и длиннее. Циклы меняют свою длительность и с течением времени. В частности, в XIX – начале XX в. наблюдалось сокращение J-циклов в результате ускорения индустриального развития, расширения Мир-Системы и уплотнения контактов внутри нее. Если первые J-циклы 1825–1836 гг., 1836–1847 гг. имели длительность около 11 лет, то в начале XX в. их длительность сократилась до 7–9 лет. Послевоенные циклы в США нередко были короче 7 лет.

Рис. 3. Динамика деловой активности в США с 1919 г.

Источник: Самуэльсон, Нордхаус 2009: 130.

Неудивительно, что по вопросу о длительности бизнес-циклов нет полного единства. В этой связи важно пояснить, что это далеко не всегда связано с концептуальными расхождениями, а очень часто обусловливается научной традицией, разной в американской и европейской литературе. Американские экономисты (см., например: Хансен 1959) использовали понятие бизнес-циклов как для малых (Китчина) циклов, связанных с колебаниями товарно-материальных запасов (2–4 года), так и для жюглярвских (связанных с колебаниями в инвестициях), которые они называли большими, тогда как сегодня мы используем понятие больших циклов в основном для К-волн. Этот момент различия традиций хорошо объяснен Э. Хансеном. Он, в частности, пишет: «Термин “экономический цикл” употребляется обычно особенно в Соединенных Штатах, не только в отношении того, что именуется *большим* циклом, но также в отношении *малого* цикла³⁴. И термин “депрессия” часто применяется как для обозначения малых рецессий, так и для обозначения больших депрессий. В Европе же, когда говорят об “экономическом цикле”, обычно имеют в виду то, что мы называем *большим* циклом» (Там же: 71).

При этом Хансен показывает, что с 1865 по 1938 г., то есть за 73 года, в США сменилось в общей сложности 18 циклов – 7 больших (то есть жюглярвских среднесрочных) и 11 малых (см. Рис. 3; см. также: Burns, Mitchell 1946). Ниже мы приводим (см.: Хансен 1959) несколько графиков отдельных циклов, на которых хорошо видно, что налицо действительно определенная система коротких и среднесрочных циклов. «Продолжительность больших (то есть среднесрочных жюглярвских. – *Авт.*) циклов, от исходных до конечных низин, колеблется между минимумом в 6 лет и максимумом в 13 лет³⁵. Если мы наряду с большими циклами включим в подсчет также все малые вершины и депрессии, то 18 циклов, имевших место с 1865 по 1938 г., подсчитанные таким образом, образуют по своей продолжительности (от низины до низины) ряд с минимумом в 2 года и максимумом в 9 лет. Средняя продолжительность составляет 3 года; 13 циклов из 18 находятся в пределах ряда, охватывающего период от трех до пяти лет» (Хансен 1959: 73). Но в рамках данного исследования мы будем в среднем определять длительность среднесрочного цикла Жюгляра (бизнес-цикла) в 7–11 лет, хотя отдельные циклы могут быть короче или длиннее.

8. Вербальная модель цикла Жюгляра

В настоящей модели нами учтен ряд подходов к анализу такого рода циклов, высказанных в работах К. Жюгляра (Juglar 1862; 1889), Ж. Лескюра

³⁴ Говоря о разногласии в названии циклов, стоит также обратить внимание, что Кондратьев называл большим циклом период длительностью 50–60 лет, то есть то, что сегодня называют кондратьевским длинным циклом, или кондратьевской длинной волной. – *Авт.*

³⁵ Стоит отметить, что в конце XIX – начале XX в. в США циклы Жюгляра были длиннее европейских по той причине, что, с одной стороны, они следовали за европейскими циклами и потому реагировали на кризисы и спады в Европе очень чутко, а с другой – имея более мощные резервы, американская экономика могла преодолевать эти заминки и удлинять цикл (см. об этом: Гринин, Коротаев 2009а).

(1908), К. Маркса (1960 [1867]; 1961 [1893, 1894]), М. И. Туган-Барановского (2008 [1913]), Р. Гильфердинга (1922), У. С. Митчелла (1930) и А. Ф. Бернса (Burns, Mitchell 1946), Дж. М. Кейнса (1978 [1936]), Е. С. Варги (1937), Г. Хаберлера (2008; Haberler 1964 [1937]), Л. А. Мендельсона (1959 [1964]), Х. Мински (Minsky 1983; 1985; 1986; 2005), Э. Хансена (1959), Дж. Р. Хикса (1993: 432–442), П. Э. Самуэльсона и В. Д. Нордхауса (2009; см. также: Самуэльсон 1994), Й. Шумпетера (1982; Schumpeter 1939), Ф. А. фон Хайека (2008; von Hayek 1931; 1933), Л. фон Мизеса (von Mises 1981 [1912]; фон Мизес 2005), Г. Касселя (1925), А. Пигу (Pigou 1929), М. Фридмана (2002), Э. Абея и Б. Бернанке (2008: 361–502), а также целого ряда других экономистов. В то же время в модели представлены и наши собственные обобщения, добавления и уточнения, которые, как нам представляется, существенны для понимания внутренней логики цикла, его вариативности и особенностей протекания в современных условиях (об общих чертах и особенностях современного цикла см.: Гринин 2008б; 2009а; 2009в; 2009г; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2010; Гринин, Коротаев 2010; Гринин, Малков, Коротаев 2010а; Халтурина, Коротаев 2010: 98–122).

Напомним (см. выше), что наша модель цикла деловой активности исходит из его деления на четыре фазы (согласно очень распространенному, хотя и не общепринятому взгляду [см., например: Хаберлер 2008: 220; Хансен 1959: 58–62]).

Начинать анализ можно с любой фазы; мы посчитали, что удобнее это делать с фазы оживления.

8.1. Фаза оживления

Эта фаза начинается после (и в результате) ликвидации диспропорций (и установления новых пропорций), практически неизбежно происходящих на предшествующих фазах спада и депрессии (и часто ведущих к существенным структурным перестройкам). Вот почему новый цикл начинается на новом уровне равновесия (Schumpeter 1939). Оживление и некоторый рост могут начаться, поскольку в результате предыдущего падения избыточные, нереализованные товарные запасы рассосались, пришли в соответствие с наличным спросом и даже возникла некоторая товарная нехватка, были ликвидированы проблемные фирмы, «сгорели» долги, уменьшился фиктивный капитал; предприниматели обрели большую осторожность (см., например: Minsky 1983; 1985; 1986; 2005) и т. п.

Как мы отмечали выше, психологические факторы, в частности предпринимательские ожидания, паника, резкий переход от чрезмерных надежд к ожиданию коллапса, играют огромную роль в смене фаз цикла деловой активности (см., например: Mills 1868; Minsky 1983; 1985; 1986; 2005; анализ этих теорий см.: Хаберлер 2008: 125–131; Гринин 2009д; Крепкий 2007:

93–94). Экономической науке до сих пор не удалось и, возможно, никогда не удастся выработать рецепты предотвращения паники³⁶.

При этом рост ожиданий (например, того, что цены будут повышаться или падать) и та или иная динамика экономического развития часто образуют петли положительной обратной связи. Например, повышение цен на фоне ожидания дальнейшего их роста может привести к затягиванию такого повышательного тренда, нередко уже вопреки всяким объективным факторам. И наоборот, падение цен на фоне ожидания дальнейшего падения приводит к снижению цен ниже того, что диктует реальная ситуация. Психологические факторы исключительно важны в спекуляциях, играющих огромную роль в динамике цикла деловой активности и смене его фаз. В частности, спад не происходит против воли и ощущения большого числа бизнесменов, если им кажется, что ситуация для роста благоприятная. Вот почему паника и временные кризисы в обстановке, еще благоприятной для роста, нередко быстро проходят, и в то же время в ситуации, когда в реальной экономике уже наметились тревожные тенденции, казалось бы, не фатальные или даже рядовые события (как то: банкротство какой-либо корпорации, банка) могут стать спусковым крючком для массовой паники, массовых банкротств и начала общего кризиса³⁷.

Таким образом, **психологический фактор** (фактор ожиданий, настроений массы предпринимателей и вообще населения, например вкладчиков) является не просто важным, но **наиболее подвижным**, наиболее лабильным фактором, который становится переключателем, способным «повернуть плюс на минус» за очень короткий промежуток времени³⁸. Особенно наглядно это проявляется на биржах, в колебаниях валютных курсов и т. п. Мало того, управляя силами, способными влиять на настроения трейдеров, можно изменять до некоторой степени и протекание циклов, осуществляя ту самую «алхимию финансов», о которой писал Сорос (1996). ЦБ, ФРС и рейтинговые агентства в современный период через различные заявления, кампании в СМИ и другие формы влияния иногда существенно влияют на ситуацию, правда, конечно, далеко не всегда позитивно или результативно.

³⁶ Однако развитие таких форм регуляции, как ограничение размаха колебаний курсов, объемов торгов, повышение ответственности за опасные или провокационные заявления, развитие страхования (хеджирования) рисков, стабилизационных фондов и т. п., может ослабить причины возникновения паники и уменьшить ее масштабы и последствия.

³⁷ Психологический фактор для понимания причин возникновения кризиса так же важен, как и для понимания причин военных побед и поражений или – что может быть нагляднее – причин революций. Какие бы объективные причины для революции ни сложились, пока не возникнет определенный настрой в обществе, направленный на желание свергнуть правительство (винить его во всем, не верить ему ни в чем), революции не будет. Но с другой стороны, чем сильнее такой настрой, тем зауряднее может быть конкретный повод для возникновения волнения (см. в отношении революций: Гринин, Коротаяев, Малков 2010a).

³⁸ Недаром есть различные показатели «индексов деловых ожиданий», которым придают важное значение в экономической науке.

Начавшийся в фазе оживления рост определяется следующими изменениями за прошедший кризисно-депрессивный период:

а) созданием больших запасов/излишков различных ресурсов (капитала, рабочей силы, свободных мощностей и т. п.) и некоторым (пока еще небольшим) повышением спроса на различные товары и услуги (см., например: Туган-Барановский 2008 [1913]; Мендельсон 1959 [1964], т. 1);

б) обретением предпринимателями и владельцами капитала большей уверенности в том, что дела поправляются (Там же; см. также: Варга 1974б);

в) устранением в результате предшествующих фаз предыдущего цикла тех или иных препон, запретов³⁹;

г) возникновением новых стимулов, связанных, например, с понижением налогов, банковского процента и т. п.;

д) созданием за годы спада и депрессии новых видов товаров и услуг, на которые утвердился спрос, распространением новых технологий и т. п. (см., например: Маркс 1961 [1893, 1894]; Шумпетер 1982; Перес 2011);

е) некоторым перевооружением и переоборудованием предприятий, введением в строй некоторых ранее законсервированных или недостроенных мощностей.

Пояснение. Переход от депрессии к фазе оживления может происходить и сам собой, но тогда начало оживления может быть существенно отсрочено. Поэтому подобный переход обычно требует определенного толчка, который может выражаться в каких-либо благоприятных внешних или внутренних обстоятельствах или специальном стимулировании начала роста (начало крупных строек, открытие новых месторождений, новых рынков сбыта, точечный рост в отдельных секторах экономики и т. п.). В годы Великой депрессии в США была весьма распространена теория «заправки насоса», согласно которой как для того, чтобы насос стал работать автоматически, нужно его заправить водой, чтобы создавалось давление, так и экономику надо подтолкнуть, чтобы пропорции в ней начали восстанавливаться (см. подробнее: Лан 1976). Этот образ вполне подходит для понимания механизма начала оживления. Положительный толчок при создавшихся объективных условиях для подъема начинает формировать положительные ожидания. Далее включаются положительные обратные связи, когда рост спроса стимулирует рост экономики, который опять стимулирует рост спроса, способствует рассасыванию безработицы, что опять же стимулирует спрос и т. п. (см. ниже при описании фазы подъема). В целом для того, чтобы процесс расширения деловой активности начался, необходимо наличие разнообразных сил, или «стартеров» (см.: Хаберлер 2008: 245)⁴⁰.

³⁹ Как это ни удивительно, на данное обстоятельство далеко не всегда обращается внимание.

⁴⁰ Поэтому целый ряд экономистов (например, Р. Фриш, А. С. Пигу и др.) рассматривают в определенном аспекте причины колебаний в двух плоскостях: а) импульсы, которые дают начало движениям; б) условия, которые определяют способ, каким экономика реагирует

Характер протекания фазы оживления и особенно ее возможность перейти в фазу подъема (и тем более перераста в «перегрев» экономики) зависят как от глубины (новизны) структурной/технологической перестройки экономики и общества (см. ниже), так и от различных обстоятельств, играющих роль стимулов или препон (о стимулирующих факторах см.: Туган-Барановский 2008 [1913]: 92). Иногда фаза оживления не перерастает в фазу устойчивого подъема, а сменяется новым кризисом (примерами служат кризисы 1882 г. в Англии или 1937 г. в США), который свидетельствует либо о том, что структурных перестроек оказалось недостаточно, либо о том, что в данном обществе нет ресурсов, способных обеспечить рывок. Мы считаем, что для перерастания фазы оживления в фазу подъема мало только технических инноваций, но крайне важны структурные перестройки в самом обществе (в том числе и в экономических отношениях).

Уже в фазе оживления начинаются долгосрочные инвестиции, которые играют особую роль в фазе подъема, подогревая спрос и создавая тот временной лаг, который усиливает диспропорции спроса и предложения.

8.2. Фаза подъема

Условия и механизмы устойчивого роста

Прежде чем описывать фазу подъема, очень схематично покажем некоторые механизмы (положительные обратные связи), которые обычно способствуют росту экономики (они релевантны в значительной мере и для начала экономического роста на предыдущей фазе оживления при выходе ее из фазы депрессии).

1. Очевидно, что рост спроса обычно ведет к росту предложения, а рост предложения в свою очередь ведет к росту спроса.

2. Рост производства стимулирует сокращение безработицы, это дополнительно создает спрос, что ведет к росту производства/предложения, а это еще больше сокращает безработицу.

3. Рост производства способствует росту положительных ожиданий, что в свою очередь ведет к увеличению долгосрочных инвестиций, а это способствует росту производства⁴¹.

4. Увеличение производства создает рост ожиданий его дальнейшего увеличения, а значит, и увеличения спроса, что ведет к росту предложения кредита (в том числе потребительского), что стимулирует спрос и ведет к ускорению экономического роста. Последний ведет к увеличению спроса на кредит, что приводит к общему повышению спроса и далее к росту производства и т. п.

5. Рост производства предметов потребления ведет к еще более масштабному росту производства средств производства, что стимулирует рост производства предметов потребления (в том числе для удовлетворе-

---

на начальные импульсы. Такой подход к проблеме представляет собой значительный шаг вперед (см. подробнее: Хансен 1959: 418–468).

⁴¹ Важно учитывать, что наряду с прочим это ведет к увеличению срока подъема.

ния потребностей новых работников расширившегося сектора производства средств производства) и т. д.

Отметим, что при спаде процессы идут весьма похожим образом, но с обратным знаком.

Для значимого подъема (и тем более для достижения этой фазой своей высшей подфазы «перегрева»⁴²) необходим ряд условий.

Во-первых, еще какое-то время должен сохраняться относительный излишек ресурсов (например, капитала, согласно теориям М. И. Туган-Барановского [2008/1913] и К. Маркса [1961/1893, 1894]; потенциалов технических инноваций, согласно Й. А. Шумпетеру [1982; Schumpeter 1939], рабочей силы, богатых полезными ископаемыми земель и т. п.), без чего разбег невозможен. Дальше движение может поддерживаться уже иными способами (в том числе специальным стимулированием спроса).

Во-вторых, должны открыться какие-то широкие возможности для приложения усилий. Например, в результате предыдущих изменений происходит резкое удешевление продуктов передовых отраслей (например, для XIX в. – тканей, для конца XX – начала XXI в. – компьютеров⁴³), так что теперь их покупателями становятся массы людей. Другими словами, рынок сбыта резко расширился, и на первых порах ему как будто не видно предела. Границы рынка определяются эмпирическим путем, вот почему расширение предложения нередко выходит далеко за границы нового рынка. Это одновременно создает мощный импульс развития, но и ведет к созданию диспропорций в аккумуляции ресурсов. Нередко достаточно только каких-либо надежд на большое расширение рынка или выгодные вложения, чтобы капитал устремился туда (например, вложения в какие-то как будто очень перспективные акции)⁴⁴. Это может быть и простая спекуляция, но для фазы подъема/«перегрева» особенно важно, что за этим хотя бы отчасти стоит и реальное развитие (с учетом того, что имеются соответствующие способы производственного расширения). Тогда в конечном счете произойдет существенный экономический рост.

В-третьих, для этого нужны, хотя бы частично, новые люди, в том числе и новаторы (на чем настаивал Й. Шумпетер [1982]). Здесь стоит от-

⁴² Подфаза перегрева (бума) начинается, условно говоря, с момента, когда объем производства перерастает наивысшую точку подъема в предыдущем цикле деловой активности (см. Рис. 2).

⁴³ Спрос тем более расширяется, если цена товаров, обладание которыми ранее существенно повышало социальный статус, сильно падает.

⁴⁴ Интересный случай наблюдался в экономике Англии в 1842 г., когда после завершения Первой опиумной войны и открытия китайских портов для торговли в обществе появилась уверенность, что Китай станет неограниченным рынком сбыта для английских тканей. Немедленно стали строиться в большом количестве новые ткацкие фабрики и модернизироваться старые. Это способствовало экономическому росту, однако надежды на емкость китайского рынка оказались очень сильно преувеличенными (см.: Туган-Барановский 2008 [1913]).

метить, что у части предпринимателей либо отсутствует опыт прежних кризисов, либо он частично забывается, так что значительная их часть постепенно теряет осторожность (на потерю последней сильно влияют конкуренция и пример других участников рынка). Это является одной из причин чрезмерной экспансии на фазе «перегрева».

В-четвертых, должен возникнуть мощный повышательный тренд конъюнктуры, особенно часто выражающийся не только в росте спроса и увеличении инвестиций, но и в росте цен на ряд наиболее важных в данной ситуации, наиболее «чувствительных», по Дж. Хиксу (1993: 433), товаров и ресурсов. И это создает очень сильную движущую силу и инерцию развития. Одним из первых на рост цен как на непреходящую характеристику цикла указал К. Жюгляр (Juglar 1889), но в целом вопросы повышения или понижения цен всегда были в центре анализа как теоретиков, так и историков циклов. «Уровень товарных цен служит лучшим барометром экономического положения страны», – считал М. И. Туган-Барановский (2008 [1913]), хотя в современных условиях влияния на цены с помощью монетарной регуляции эта мысль уже не всегда верна.

Однако важно заметить, что возникший на этой фазе повышенный спрос на различные ресурсы, товары и ценности приводит не только к быстрому росту цен, но и нередко к тому, что экономика оказывается не в состоянии удовлетворить возросший спрос на многие ресурсы и товары, например сложное производственное оборудование, объекты недвижимости, сырье и т. п. Это объясняется (помимо того, о чем уже сказано выше: многие ресурсы по природе своей ограничены или могут быть произведены только спустя значительное время – например, растительное сырье), во-первых, тем, что спрос часто носит взрывной характер и заказчики хотят как можно более срочного выполнения заказов, в то время как для удовлетворения быстро возросшего объема спроса технологически и организационно необходимо определенное, иногда весьма длительное время. Во-вторых, такой разрыв в ожиданиях создает дополнительный ажиотажный спрос, определенную и порой возрастающую дефицитность ресурсов, а вместе с этим и рост цен на них. В этом случае в игру вступают спекулянты, стремящиеся перекупить товары, чтобы перепродать их. А заказчики увеличивают объем заказов, чтобы создать необходимые запасы на случай перебоев с поставками.

Таким образом, создается ситуация, которую мы назвали ситуацией **дефицита предложения** ресурсов и объектов выгодного вложения капитала (о которой уже было сказано выше), играющая очень важную роль в акселерации процессов быстрого роста цен. Последнее делает производство до определенного момента все более выгодным, что усиливает стремление производителей расширить производство (в том числе путем массированных инвестиций). А это дополнительно стимулирует спрос на ресурсы и экономический рост. Таким образом, спираль положительной обратной связи быстро раскручивается, создавая перегрев экономики.

Подфаза перегрева

Следует отметить, что уже в ходе оживления и начала подъема возникшее в период фазы депрессии временное относительное равновесие в экономике сменяется нарушением равновесия (без чего, естественно, рост невозможен). Это нарушение равновесия усиливается в результате того, что предприниматели, исчерпав для развития своего производства образовавшиеся в ходе кризиса и депрессии свободные средства и задействовав свободные мощности, все сильнее начинают инвестировать заемные средства.

Как подчеркивают А. А. Акаев и В. А. Садовничий (2010), смена уровней равновесия, по Й. Шумпетеру (Schumpeter 1939), определяет долговременную траекторию экономического развития, в ходе которого экономическая система находится в *динамическом* равновесии. Однако, как мы полагаем, такое динамическое равновесие начинает нарушаться уже в период фазы роста и особенно при переходе в состояние бума («перегрева»). Таким образом, возникает очевидный структурно-ценовой перекос, который обычно связан с различного рода «пузырями» (ценовыми, инвестиционными, биржевыми, валютными и т. п.). По нашему мнению, перекос неизбежно должен создавать какие-либо «флюсы» и «пузыри», будь то чрезмерные, спекулятивные цены на сырье или энергоносители, недвижимость, те или иные виды производства, транспорта или определенные бумаги, золото. Однако сам этот перекос (структурно-ценовая диспропорция) может возникнуть только при появлении определенного источника наращивания спроса. Чаще всего в виде такого источника выступает кредитная экспансия, которая – этот момент часто упускается из внимания – сама по себе является формой роста банковского и финансового сектора⁴⁵.

Важнейшую роль играют также различные формы аккумуляции свободных средств в различных акционерных и паевых обществах, финансовых и пенсионных фондах, страховых компаниях и т. п. (о современных финансовых технологиях подробнее см.: Гринин 2009а; 2009в; 2009г; Гринин, Коротаев 2010; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2010). Все это подстегивается учредительской горячкой, спекулятивным бумом и другими явлениями, с помощью которых обычно протекает экспансия экономики в подфазе перегрева. К ним нередко присоединяются и усилия правительств по активизации спроса, а также всякого рода случайные обстоятельства. Гигантские средства, так или иначе аккумулируемые и – крайне важно – эмитируемые, дублируемые во второй, третьей и т. п. степенях за счет различных сложных финансовых технологий, например производных финан-

⁴⁵ А в современных условиях, когда финансовый сектор в развитых странах дает от 25 до 33 % ВВП (см., например: Акаев, Садовничий 2010), он, собственно, и должен осуществлять такую экспансию. В современном мире без нее в любом случае не будет роста ВВП. Кредит и другие финансовые технологии, по нашему мнению, можно рассматривать как механизмы мобилизации ресурсов, без которых расширенное производство практически не может существовать. Отметим, что кредит сам становится все более важной и опережающей растущей формой расширенного воспроизводства в современной экономике.

совых инструментов, с учетом все расширяющегося кредита способны резко изменить пропорции спроса и предложения. При этом подобно тому, как в период подъема цен начинают использоваться технологии и ресурсы, которые в обычное время нерентабельны, так и в период подъема спроса на финансовые ресурсы начинают использоваться такие ресурсы, которые в обычное время кажутся опасными, ненадежными или, выражаясь современным термином, «токсичными».

В то же время кредит, аккумуляция и эмиссия ценных бумаг, а также прямой выход на определенный рынок финансовых игроков вызывают как резкий перекося в пропорциях, так и резкий взлет деловой активности плюс значительно увеличивают время, в течение которого продолжается бум⁴⁶.

Пояснение. Стоит отметить, что при анализе циклов деловой активности экономический рост и спад в теории нередко отделяют от спекуляций и различных «пузырей», представляя их как некую обособленную и в принципе необязательную часть процесса (причем это характерно отнюдь не только для марксистской школы). Между тем, на наш взгляд, спекуляции, «пузыри» и прочее являются составной и почти всегда присутствующей частью цикла, так же как и крах этих спекуляций. Это объясняется тем, что в период мощной экспансии и «перегрева» трудности роста экономики, мобилизации ресурсов и т. п. обозначаются очень сильно. Для того чтобы такой рост продолжался, нужны сильные стимулы. Такие стимулы создаются именно в области обращения, спекуляций и различных пирамид. Спекулятивный или учредительский бум создает мощный процесс переоценки активов. А эффект переоценки активов на определенном этапе вовлекает большие массы людей в процесс гонки за прибылью (в процесс экспансии)⁴⁷. Получается, что спекуляции – это некие маяющие огни, измерители ожиданий. Но если спекуляции не поставят в жесткие рамки, такие сигналы могут завести экономику очень далеко на пути к кризису.

Следовательно, данный процесс является органической частью процесса расширения («перегрева»), а не просто спекулятивной пеной (см. также наши пояснения выше). Далее, как мы увидим ниже, именно в этой области быстрее всего отсекается от гонки большое число участников, что и создает первичные условия для острого кризиса. Из вышесказанного вытекает, что в процессе подъема и «перегрева» всегда происходит сильная переоценка фондов, выражаемая путем повышения котировок или денежной оценки символических активов. Вот почему циклические кризисы органически связаны с масштабными крахами фондов, банков и т. п., в целом – с денежными кризисами (и в принципе должны сопровождаться такими процессами). Иными словами, денежные и фондовые крахи могут происходить и без циклических кризисов (например, в виде обвала на бирже или валютного кризиса, не влекущих спада экономики), но циклические кризисы обычно связаны с такими крахами (биржевыми, валютны-

⁴⁶ Что, к слову заметить, приближает время введения в строй новых мощностей, в которые подъем породил инвестиции.

⁴⁷ Без такой приманки движение быстро выдохлось бы.

ми, банковскими, обвалами цен на недвижимость и прочее)⁴⁸. При таком подходе, как нам кажется, можно более органично вписать рост спекуляций в общую схему нарастания «перегрева» и возникновения эффекта кризисного обрушения. Но это никоим образом не устраняет необходимости бороться с разрушительными спекуляциями и вводить их в определенные строгие рамки, напротив – это надо делать обязательно. **Поэтому влияние на спекуляцию может быть очень важным фактором изменения характера экономических циклов и протекания кризисов.**

В период всеобщего бума и роста цен большинство экономических игроков чувствуют себя хорошо. Но для понимания динамики цикла крайне важно учитывать, что возникают или обозначаются некоторые области деятельности, которые дают наибольшую прибыль (норма прибыли там может на порядки обгонять таковую в других отраслях). Именно эти области ответственны в первую очередь за чрезмерный рост цен, общую переоцененность активов. В результате описанных выше процессов образуется большое количество капитала, которое стремится вложиться прежде всего в эти наиболее прибыльные отрасли и сферы⁴⁹. Если это промышленные или материальные сферы (например, железные дороги или нефтепроводы), то усиливается стремление к инвестициям в них, но таких объектов немного, и за возможность участвовать в них идет борьба. В итоге возникает ситуация, когда каждый новый инвестиционный проект лишь увеличивает и без того высокую конкурентную борьбу за доступ к электроэнергии, транспортной инфраструктуре, за квалифицированные кадры, сырье, финансовые и т. п. ресурсы (см., например: Блант 2008: 141). Еще сильнее конкуренция среди спекулятивных финансовых ресурсов и капиталов, поскольку спектр их сверхдоходного приложения весьма ограничен и в то же время они достаточно мобильны (поэтому здесь могут достаточно быстро сфокусироваться мировые финансовые ресурсы). Поскольку сфер особо выгодного приложения избыточных капиталов весьма немного, именно в финансовой области особенно быстро и надуваются «пузыри». Мощные потоки капитала в определенные сверхдоходные сферы (например, биржевые сделки по сырьевым контрактам, валютные спекуляции, вложения в недвижимость и т. п.) способны вызвать стремительный, лишенный всякой реальной основы рост цен на эти ограниченные по своему объему и номенклатуре ценности.

⁴⁸ То, что уже период бума перед первым всеобщим кризисом 1825 г. сопровождался определенными весьма показательными симптомами, говорит о многом, а именно о том, что спекуляция становится частью фазы бума (экспансии), без которой, по-видимому, ее или вообще не будет, или она пойдет существенно по-другому. «Перегрев» экономики к 1825 г. сопровождался «такими типичными чертами, как интенсивное промышленное строительство, резкое повышение цен, курсов акций, широкая экспансия кредита, расцвет спекуляций во всех ее формах» (Мендельсон 1959 [1964], т. 1: 128).

⁴⁹ Но напоминаем о сказанном выше: таких объектов немного, и за возможность участвовать в них обычно идет борьба в том или ином виде, причем часто на высоком международном уровне.

Напомним, что ситуацию, когда возникает недостаток наиболее выгодных сфер приложения капитала, а также вызванный общим «перегревом» экономики неудовлетворенный спрос на многие ресурсы и товары, мы условно назвали ситуацией расширяющегося **дефицита предложения** некоторых ресурсов и дефицита выгодных сфер вложения капитала. Усиление такого дефицита предложения соответственно вызывает рост цен и все более заметное напряжение экономики за счет возникших технологических, кадровых, ресурсных, кредитных транспортных и т. п. ограничений.

Дефицит предложения объектов для выгодного приложения капитала есть дефицит, *сдерживающий коммерческую активность*, его не следует путать с прямым дефицитом товаров массового потребления, который имел место при социализме⁵⁰. То есть понятие «дефицит» употребляется здесь в специальном смысле этого слова. Дело в том, что если в частной жизни проблему нехватки тех или иных товаров можно решить значительной переплатой за них, то в коммерческих делах такая переплата, как правило, нерациональна, поскольку в этом случае покупатель не сможет вернуть затраченные средства.

Поэтому такой дефицит предложения выражается в следующих последствиях. Первое. Многие бизнесмены просто отказываются от своих планов расширить производство, приобрести что-либо, сделать какие-то инвестиции и т. п., поскольку либо это им вовсе не по карману, либо сложившаяся высокая цена делает их проекты невыгодными. Ниже мы еще вернемся к этому.

Во-вторых, поскольку в бизнесе и спекуляциях агенты всегда борются между стремлением приобрести что-то за минимально возможную цену и фактором времени, они очень часто предпочитают подождать, записаться на очередь, чем переплачивать. Кроме того, в бизнесе, особенно в крупных корпорациях, существует свой порядок, определенная деловая этика и инерция, которые не всегда возможно обойти даже повышенной ценой. В результате не справляющиеся с заказами производители формируют очередь или просто отказывают из-за чрезмерной загруженности. В этом случае заказчики нередко вынуждены обращаться к производителям товаров, которые уступают желаемым по качеству или другим характеристикам, размещают заказы на других рынках, вынуждены переплачивать за транспортировку и т. п. Таким образом, дефицит предложения зримо проявляется не только в росте цен, но и в физической задержке (а иногда и невозможности) приобретения нужных ресурсов, товаров и ценностей, ухудшении характеристик ресурсов и т. п.

---

⁵⁰ Хотя в ситуации «перегрева» может возникать иногда прямой дефицит на некоторые престижные товары вроде отдельных марок автомобилей, бытовой техники, жилья, мест в гостиницах, билетов на некоторые виды транспорта, особых услуг и т. п. В этом случае покупатели готовы платить за нужный им товар все более высокую цену и нередко вынуждены долго ждать выполнения своих заказов, а также мириться с иными неудобствами.

В-третьих, как уже было сказано, повышенный или длительное время не удовлетворенный спрос на ресурсы связан также с тем, что продукция разных секторов экономики имеет очень разную эластичность. Это создает различную степень ее дефицитности и соответственно разный уровень ее предложения на рынке и разный уровень ее цен (все это одновременно существенно усиливает диспропорции в экономике, которые в конечном счете обычно устраняются только в результате кризиса). И если некоторые товары с определенной временной задержкой и могут быть произведены, то многие ценные ресурсы (земля, капитальные строения, некоторые виды сырья, определенные финансовые активы, крупные заказы на строительство, концессии на добычу полезных ископаемых и т. п.) сильно ограничены или вообще неэластичны.

Во всех случаях дефицит предложения на объекты вложения капитала в условиях бума в экономике, когда имеет место полное использование всех факторов производства, ведет к замедлению роста и одновременно к росту цен, что создает петлю обратной связи, которая действует до момента острого кризиса.

О нехватке (дефиците) отдельных наиболее заметных видов ресурсов: денег, золота, кредита, капиталов, различных видов сырья – много писали исследователи кризисов. Например, Э. де Лавеле объяснял кризисы усиленным вывозом золота за границу в период резкого повышения спроса на импортные товары (см.: Laveleye 1865; Хансен 1959: 361–362). Туган-Барановский (2008 [1913]: 322–324) видел один из важнейших механизмов кризиса в том, что сначала капитал имеется в избытке, а потом тратится быстрее, чем создается, что в конце концов ведет к его нехватке и как результат – к кризису и спаду. Представители теории перенакопления и некоторых других школ нередко писали о том, что в условиях полной занятости возникает все большая редкость факторов производства (см., например: Хаберлер 2008).

Но, на наш взгляд, эту ситуацию повышенного спроса на ресурсы необходимо рассматривать в более широком аспекте, чем дефицит только капитала, сырья, золота, рабочей силы или даже факторов производства в целом. Ее можно представить как тенденцию к росту **дефицита предложения необходимых ресурсов и выгодных сфер вложения**, поскольку дефицит может ощущаться в самых разных областях: от нехватки валюты до нехватки рабочей силы или объектов выгодного приложения капитала. При этом – по мере усиления бума – отставание предложения от спроса становится все более масштабным, захватывая все новые секторы рынка (показателем чего выступает рост цен на все большее количество ключевых и иных ресурсов). Но, разумеется, в каких-то секторах и ресурсах дефицит предложения нужных ресурсов (объектов) проявляется наиболее ярко. Такая ситуация ведет к чрезмерной, порой чудовищной переоценке наиболее выгодных («лакомых») активов (например, нефти, недвижимости, сырья, пакетов тех или иных ценных бумаг). Неудивительно, что

именно в данных сферах обычно возникают наиболее заметные «пузыри» и происходит коллапс, когда положительная обратная связь, стимулирующая рост, трансформируется в положительную обратную связь, стимулирующую спад (что, как будет показано ниже, ведет к обвалу).

В результате бурного роста спроса на определенные ресурсы на некоторое время включается положительная обратная связь, которая может быть схематически обрисована следующим образом. Усиливающийся на этой фазе дефицит тех или иных ресурсов ведет к росту дефицита конечных продуктов (и соответственно росту цен на них), а вызванное этим дефицитом (а значит, повышенным спросом на конечные продукты) стремление увеличить их производство создает еще больший дефицит ресурсов и т. п. Это ведет к расширяющемуся росту спроса и цен (при этом он может стать всеобщим и/или взрывообразным на определенные группы товаров/ресурсов) и позволяет быть успешным в этот период даже тем, чей бизнес выглядит технически отсталым (см., например: Маркс 1961 [1893; 1894]; Туган-Барановский 2008 [1913]; Мендельсон 1959 [1964]; Шумпетер 1982)⁵¹.

Частично повышенный спрос удовлетворяется в результате того, что часть мощностей, инвестиции в которые были сделаны ранее, начинают давать продукцию (либо появляется новый капитал, организация по аккумуляции которого была предпринята определенное время назад). Однако в связи с продолжающимся быстрым ростом спроса и цен усиливается стремление к тому, чтобы расширить инвестиции. В результате это перекрывает эффект отдачи от предыдущих инвестиций и создает избыточную базу для перепроизводства, но обнаруживается это уже много позже. Как отмечает В. Квасницкий (Kwasnicki 2008: 3), в экономических системах, вовлеченных в жюгларовские и другие бизнес-циклы, будущее развитие зависит от состояния системы в более или менее отдаленном прошлом, так как здесь имеют место более или менее длительные временные лаги между различными процессами (см. также: Кейнс 1978 [1936]: Гл. 22). В такой задержке важную роль помимо естественных временных затрат на реализацию технических, технологических и инновационных процессов играют также посреднические структуры, особенно кредитный рынок⁵². Таким образом, важно иметь в виду, что кредит и прочие посреднические институты (оптовики, спекулянты, которые скупают и аккумулируют для последующей перепродажи товар, валюту, акции) играют роль элемента:

⁵¹ Отметим, что подобная ситуация наблюдается и в финансовых спекуляциях – финансовая пирамида может определенное время расти именно за счет положительной обратной связи: чем быстрее растет пирамида, тем быстрее к ней тянутся желающие получить прибыль.

⁵² См. о роли кредита в создании ситуации ажиотажа и спекуляции, отодвигании сроков наступления кризиса и пр., например: Juglar 1889; Лескюр 1908; Маркс 1961 [1893, 1894]; Туган-Барановский 2008 [1913]; Mises 1981 [1912]; Hayek 1931; 1933; Мендельсон 1959 [1964]; Ротбард 2005 [1969]; Minsky 1983; 1985; 1986; 2005; Хаберлер 2008.

а) задерживающего непосредственную реакцию;

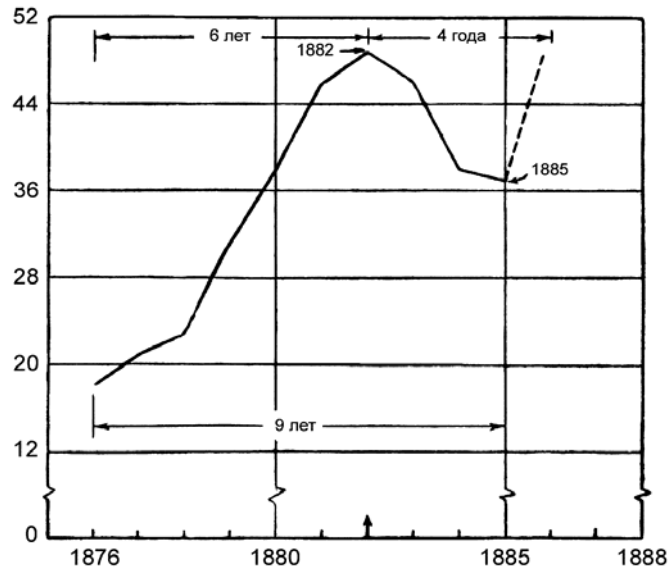
б) продолжающего расширять сбыт, когда это расширение уже переходит разумные пределы. Соответственно это же приводит к тому, что масштаб краха становится намного больше, чем мог бы быть при большем равновесии.

Пояснение. На наш взгляд, в модели цикла деловой активности крайне существенно учитывать то, что этот цикл всегда проходит в рамках колебаний **дефицита предложения** на фазе подъема, когда предложение в целом не успевает за спросом и тем самым сдерживает экономический рост, и **дефицита спроса** на фазе спада и депрессии, когда предложение в целом существенно превышает спрос, что препятствует экономическому подъему (или усиливает размеры спада). В результате цикл деловой активности также идет в рамках колебаний между целым рядом противоположностей (которые во многом и задают основные параметры цикла): инфляции – дефляции; роста – падения; положительных – отрицательных ожиданий и т. д. Конкретные формы особого дефицита предложения или дефицита спроса во многом определяют форму и характер кризисов в данное время и в данном месте. Рост цен на сырье (например, хлопок) неоднократно вел к кризисам в Англии в XIX в. (см.: Туган-Барановский 2008 [1913]; Мендельсон 1959 [1964], т. 1; Гринин, Коротаев 2010).

Фаза подъема – как и все остальные фазы – в разных циклах протекает по-разному. Иногда она идет достаточно ровно (см., например, Рис. 4 и 5), представляя на графике близкую к прямой линию, идущую под определенным углом вверх. Но в ряде циклов фаза подъема как при перерастании ее первой подфазы роста во вторую – бума, так и в самой подфазе бума может прерываться – из-за сложностей роста, различных внешних обстоятельств, нехватки ресурсов, чрезмерного накопления запасов, особенностей инвестиционного процесса, колебаний цен и т. п. – временными неглубокими рецессиями, которые на графике представляют фазу подъема в виде ломаной линии (см. Рис. 4–8). Такие заминки на подъеме как раз и образуют двух-трехлетние малые циклы, о которых часто говорят в американской литературе. Это хорошо видно на графиках движения производства промышленных товаров длительного назначения в отдельных жюгляровских циклах в США, представленных Элвином Хансеном (1959: 78–89; соответственно Рис. 4–8). Такие заминки и неглубокие рецессии, длящиеся иногда на фазе подъема в течение нескольких месяцев, а иногда и полтора-два года, естественно, сильно осложняют прогнозирование и не позволяют в ходе непосредственного переживания циклического процесса увидеть структуру цикла (об этом уже шла речь выше).

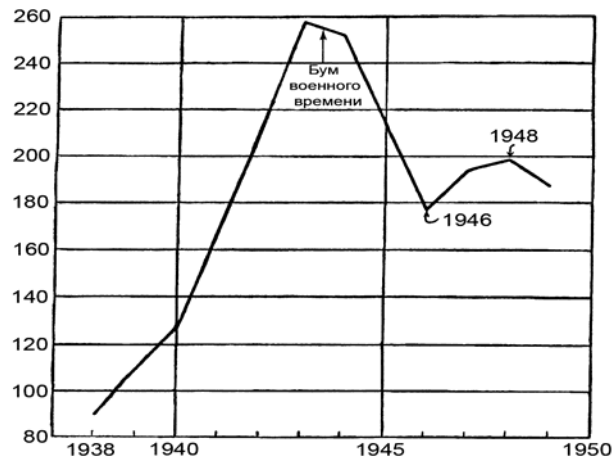
На протяжении периода с 1865 по 1938 г., пишет Хансен, «один большой подъем был прерван одной малой рецессией, три больших подъема были прерваны (каждый) двумя малыми рецессиями и один – тремя малыми

рецессиями, между тем как два больших подъема развертывались в течение всей фазы экспансии без всякого существенного перерыва... В течение указанного 73-летнего периода в Соединенных Штатах сменилось, следовательно, в общей сложности 18 циклов – 7 больших и 11 малых» (Хансен 1959: 71). В названиях нижеприведенных рисунков мы даем хронологию цикла в датах, соответствующих классической (которую мы использовали в своей книге о кризисах: Гринин, Коротаев 2010). При этом важно помнить, что хронология жюгляровских циклов в США, которые представлены в рисунках, приведенных Хансеном, смещалась на 2–3 года по сравнению с циклами в Англии и Европе. Соответственно и датировки на графиках сдвинуты.

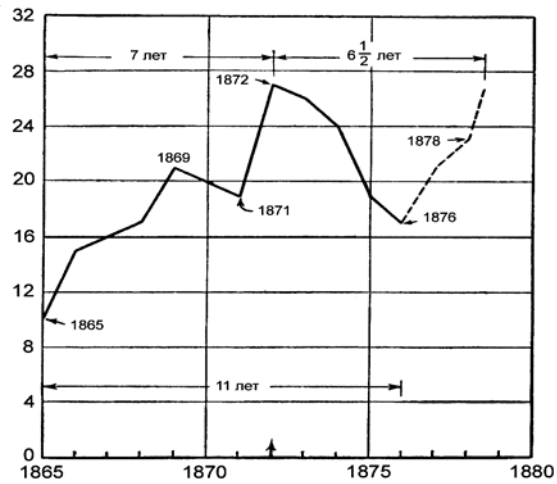
Рис. 4. Среднесрочный цикл 1873–1882 гг. Индекс производства промышленных товаров длительного пользования (1899 г. = 100)

Источник: Frickey E., Production in the United States, 1860–1914 (приводится по книге Э. Хансена [1959: 81, рис. 11]).

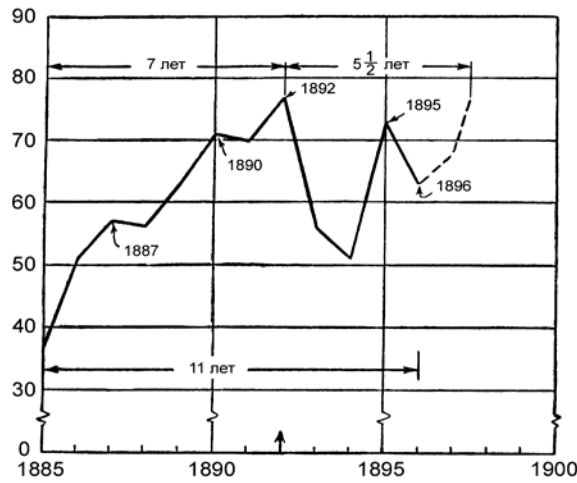
Рис. 5. Бум периода Второй мировой войны. Индекс производства промышленных товаров длительного и недлительного пользования (1935–1939 гг. = 100)

Источник: Federal Reserve Board, Index of Total Manufactures (приводится по книге Э. Хансена [1959: 89, рис. 18]).

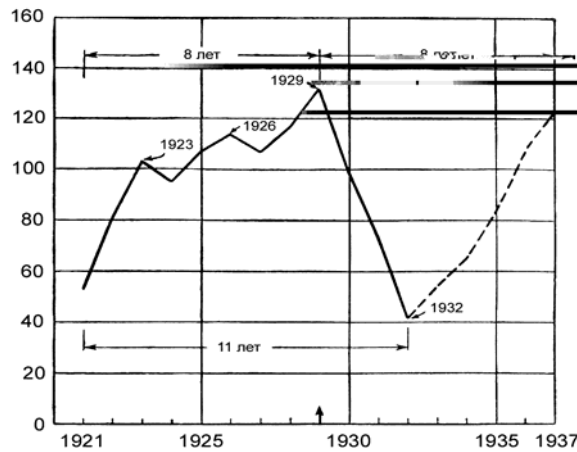
Рис. 6. Среднесрочный цикл 1865/6–1873 гг. Индекс производства промышленных товаров длительного пользования (1899 г. = 100)

Источник: Frickey E. Production in the United States, 1860–1914 (приводится по книге Э. Хансена [1959: 78, рис. 9]).

Рис. 7. Среднесрочный цикл 1882–1892/5 гг. Индекс производства промышленных товаров длительного пользования (1899 г. = 100)

Источник: Frickey E. Production in the United States, 1860–1914 (приводится по книге Э. Хансена [1959: 82, рис. 12]).

Рис. 8. Среднесрочный цикл 1921–1933 гг. Индекс производства промышленных товаров длительного пользования (1935–1939 гг. = 100)

Источник: Federal Reserve Board, Index of Production of Durable Manufactures (приводится по книге Э. Хансена [1959: 87, рис. 16]).

8.3. Фаза рецессии

Подфаза краха/острого кризиса

В результате «перегрева», как было показано выше, возникает чрезмерная переоценка тех или иных ключевых ресурсов. Сначала это продолжает разгонять «перегрев» дальше (особенно если есть возможности расширения кредита и спекуляций). Однако в конечном счете переоцененность ресурсов/активов отсекает от «гонки» все большее количество участников и выводит из игры все большее количество активов. Пирамида становится все более неустойчивой и в конце концов опрокидывается (интересные примеры таких ситуаций можно найти у историков кризисов, в том числе Туган-Барановского [2008/1913], Мендельсона [1959/1964], Варги [1937], Трахтенберга [1963])⁵³.

Например, во время финансово-экономического кризиса 2008 года неимоверное повышение цен на недвижимость в США и чрезмерное расширение ипотечного кредитования привели к кризисным явлениям в банковской и кредитно-финансовой сфере, банкротству ряда очень крупных финансовых корпораций⁵⁴. А перед этим банкротством свободный капитал из сферы ипотеки стал активно вкладываться в рост нефтяных цен. В результате, когда начались банкротства и паника, обвалились не только цены на нефть, но и многие другие активы, поскольку ресурсов для поддержания их чрезмерно переоцененных уровней в экономике уже не было. Таким образом, основной вопрос экономистов остается прежним: как определить, в какой момент иррациональный оптимизм завышает стоимость активов настолько, что резко возрастает риск внезапных и продолжительных падений (Гринспен 2009: 441)?

Рассмотрим механизм перерастания «перегрева» экономики в фазу рецессии (и подфазу краха в частности) подробнее⁵⁵:

1. На пике подфазы «перегрева» возникает ситуация перенапряженности экономики и финансовых рынков, которая проявляется в отсутствии свободных резервов ресурсов и капиталов, а также в переобременении срочными обязательствами, которые могут быть выполнены только при условии реализации планов, под которые взяты кредиты и аккумулированы ресурсы.

⁵³ Самое обыкновенное объяснение кризисов приводит М. И. Туган-Барановский (2008 [1913]: 289); оно повторяется почти всеми, кто писал о кризисах, и заключается в следующем: кризисы вызываются спекуляцией на товарном и денежном рынках.

⁵⁴ Число досрочно расторгнутых контрактов достигло в 2006 г. 1,5 млн, а в 2007 – 2,5 млн и продолжало расти (см.: Dumas 2008: 47; Суэтин 2009а: 152–153).

⁵⁵ Подфаза краха/острого кризиса рассматривается нами как относительно короткий период, включающий несколько недель или месяцев, в течение которого происходит резкий перелом тенденций от роста к спаду, часто характеризующийся крахами, обвалами, паникой и т. п. Не всегда ясно локализуемый момент, когда приходит осознание, что налицо не временный сбой, но и в то же время не катастрофа, а глубокий кризис, когда к кризису начинают привыкать, можно рассматривать уже как начало подфазы спада.

2. Возникновение ситуации уменьшения отдачи от вложения новых ресурсов и кредитов в экономику и спекуляции (приближение к рубежу, когда предельная полезность/производительность становится нулевой или даже отрицательной).

3. Нарастание эффекта дороговизны/дефицитности ресурсов при каждом новом вложении средств в экономику (в соответствии с законом убывающей отдачи Д. Рикардо).

В результате положительная обратная связь («усиление напряжения ведет к росту дороговизны/дефицитности – а это ведет в свою очередь к усилению напряженности в экономике») доводит ситуацию до предела⁵⁶.

Вернемся еще раз к вопросу о том, что чем сильнее дефицитность (редкость) тех или иных ресурсов и сфер вложения капитала, тем ожесточеннее за них конкуренция, тем сложнее идет рост производства, так как из-за указанной конкуренции, роста цен на факторы производства и т. п. многие производители уже не в состоянии получить необходимые им ресурсы, а потому вынуждены замедлять или прекращать рост своих производств. По этому поводу стоит привести следующее место из книги Г. Хаберлера (2008: 235):

По мере того, как категории факторов производства одна за другой становятся все более редкими, поскольку переход к полной занятости происходит не сразу, а постепенно, одновременное развитие во всех пунктах становится все более и более трудным. Если одна отрасль промышленности увеличивает спрос на факторы производства и добивается успеха в привлечении рабочих, предлагая им более высокую заработную плату, то тем самым она отвлекает их от других отраслей. То же самое верно и в отношении сырья и полуфабрикатов. Расширение одной отрасли промышленности возможно только за счет сокращения какой-либо другой.

И – добавим – в еще большей степени это сказывается на спекулятивных отраслях бизнеса, где факторы выгодного приложения капитала всегда ограничены и дефицитны.

Все это вызывает: а) невозможность/бессмысленность участия в такой гонке все большего числа участников экономической и финансовой деятельности; б) нарастание тревоги у все большего числа участников экономической деятельности; в) стремление минимизировать риски путем аккумуляции дополнительных страховых активов, что вызывает дополнительный спрос на них и рост их дороговизны/дефицитности.

Возникают новые положительные обратные связи. Рост напряженности в экономике и рост дороговизны/дефицитности ведут к увеличению

---

⁵⁶ Под «предельным экономическим напряжением» мы здесь понимаем предельное задействование всех экономических мощностей, ресурсов, возможностей, когда не только не остается свободных резервов, но за счет кредитов экономика и общество оказались в глубоко долгу у будущих периодов.

числа тех, кто начинает менять стратегию поведения на более осторожную. Это, в свою очередь, ведет к тому, что из гонки начинают выключаться финансовые ресурсы, что усиливает напряженность для тех, кто продолжает, образно говоря, «играть на повышение» курсов, цен, активов и т. п.

Рост числа тех, кто начинает менять стратегию поведения, ведет к усилению тенденции «игры на понижение» как в прямом смысле (например, на бирже), так и применительно к тем, кто прекращает расширение производства и т. п.⁵⁷ А усиление таких настроений увеличивает общее торможение повышательной тенденции, что ведет к еще большему росту числа тех, кто меняет стратегию поведения.

Рост тенденции к понижению и увеличение численности участников понижательного направления настолько ограничивают потенции повышательной тенденции, что в результате участники экономической и финансовой деятельности повышательного направления оказываются не в состоянии собрать достаточно ресурсов для продолжения своей экспансии. Например, рост на бирже цен на какие-либо активы, скажем, нефть, уже больше не может продолжаться, так как нет достаточного числа покупателей по возросшей цене. Покупателей, считающих, что фьючерсы на нефть будут расти, становится все меньше. То же самое происходит при достижении пределов роста цен на недвижимость, те или иные инвестиционные товары, расширении потребительского кредита, роста предложения товаров и услуг, наращивании экспорта и т. п.⁵⁸

Но в ситуации, когда перенапряжение достигло сверхпредела, равновесие не может быть установлено. Начинается откат назад по причине того, что участники тенденции на повышение оказываются сильно связанными различными обязательствами (при этом обычно объемными, срочными и дорогостоящими, которые могли бы быть выполнены только при реализации их спекулятивных планов).

Возникает положительная обратная связь противоположной направленности: невозможность выполнить планы ведет к невозможности выполнить обязательства – это ведет к банкротству многих участников финансовой и экономической деятельности, что резко усиливает невозможность выполнить обязательства – это ведет к невозможности сохранить

⁵⁷ Следует отметить, что в экономике всегда представлена как одна, так и другая тенденции, только в период «перегрева» тенденция к понижению оказывается в явном меньшинстве.

⁵⁸ Экономические кризисы нередко начинаются с биржевых или финансовых кризисов, потому что на бирже, в финансовом секторе и т. п. имеются особые условия для быстрого возникновения острого кризиса. В частности: а) эти институты являют собой высокую степень концентрации ресурсов; б) их ресурсы более мобильны, чем ресурсы материальные, и в то же время имеют значение для всей экономики; в) масштаб «перегрева» и степень дефицитности высокодоходных сфер приложения в этих секторах выше; г) возможности спекуляций из-за простоты и дешевизны получения кредита особого рода здесь больше, а оборачиваемость активов выше; д) смены настроений игроков выражены резче; е) повышательная и понижательная тенденции обозначены четче.

прежние цены – это ведет к сокращению реализации других планов – это ведет к невозможности выполнить обязательства – продолжают падать цены и обесцениваться активы.

А поскольку всеобщее перенапряжение в экономической и финансовой сферах достигло крайних размеров, все ресурсы задействованы, одновременно возникает и новая положительная обратная связь с противоположным результатом: падение цен вызывает уменьшение возможности получения необходимых ресурсов, прежде всего кредита (требование его возврата, рост его цены и резкое обострение дефицитности денег), которые с трудом изыскивались только под надежду дальнейшего роста цен – это ведет к необходимости сбрасывать те активы, в которые до этого вкладывались средства – это ведет к дальнейшему падению цен и т. п.⁵⁹ Недаром упоминавшийся выше Дж. Миллс (оказавший, по мнению Э. Хансена [1959: 348], большое влияние на английских экономистов второй половины XIX в.) утверждал, конечно, сильно преувеличивая, что **цикл кредита и есть цикл современной промышленности** (Mills 1868).

Марксисты и некоторые другие теоретики, начиная с Сисмонди (см., например: Маркс 1961 [1893; 1894]; Варга 1937; 1974a; 1974б), считали главным механизмом возникновения кризиса перепроизводство товаров. Перепроизводство действительно играет важную роль, но только уже в дальнейшем, в подфазе спада, вызывая заметное сокращение производства⁶⁰. Однако перепроизводство товаров, как правило, не способно создать ситуацию краха экономики (острого кризиса)⁶¹. Поэтому можно согласиться с О. Бауэром, который указывал, что Маркс скорее показывает закономерности изменения конъюнктуры (подъемов и спадов, процветания и застоя), чем драматически тревожный момент кризисов (Каутский, Бауэр 1923: 83). Перепроизводство товаров в известной степени можно рассматривать как часть процесса превращения **дефицита предложения в дефицит спроса** (следует учесть, что «излишними» затем становятся не только товары, но и капиталы и многое другое).

⁵⁹ Все это напоминает ситуацию с наступающей армией, которая далеко оторвалась от тылов, исчерпала ресурсы, наступает только по инерции. И стоит противнику перейти в контрнаступление, как до этого наступавшая армия начинает стремительно откатываться назад. При этом дорогостоящая военная техника и вооружение, бывшие столь необходимыми и дефицитными еще недавно, бросаются, так как мешают отступать.

⁶⁰ Некоторые исследователи (например, А. Шпитгоф) указывали на тот факт, что нередко отрасли, производящие потребительские товары, испытывают влияние депрессии гораздо позже, чем отрасли, производящие капитальные товары. Это мнение ставится другими под сомнение, но очевидно, что чаще всего кризисы начинаются в областях, далеких от производства и реализации товаров массового потребления (см. также: Хансен 1959).

⁶¹ Например, по мнению Г. Касселя, хотя и неоспорному, «типичный современный торгово-промышленный бум не означает ни перепроизводства, ни преувеличенной оценки потребительского спроса», а означает переоценку способности капиталистов предоставить капитал в достаточном количестве (Cassel 1932, II: 649; цит. по: Хаберлер 2008: 77).

Таким образом, сам по себе острый кризис, то есть обрушение системы, по нашему мнению, не обусловлен перепроизводством товаров. Его механизм, как показано выше, создается все большей сложностью аккумуляции ресурсов для поддержания экспансии роста и вызванной этим невозможностью для значительной части участников рынка преодолеть в определенный момент острый дефицит финансовых или иных ресурсов⁶². Это особенно связано с резким сжатием кредита, сбросом акций и т. п. При этом чем резче реакция на возникшую ситуацию, тем может быть резче обрушение. Эндогенные события на кредитном рынке усиливают и распространяют потрясения для макроэкономики (Bernanke *et al.* 1998).

А это, в свою очередь, резко усиливает диспропорции (и без того уже достаточно сильные в результате «перегрева»), что ведет к коллапсу (о роли диспропорций в создании кризиса см.: Туган-Барановский 2008 [1913]; Гильфердинг 1922; на некоторые важные диспропорции указывает и Маркс [1961/1894]). Это создает сильный структурный перекос, который обрушивает систему.

Далее события могут разворачиваться противоположно тому, что имело место при росте экономики. Падение спроса/цен (активности) вызывает уменьшение возможности выполнить обязательства и ожидания, это, в свою очередь, ведет к уменьшению инвестиций и дальнейшему падению спроса (цен, активности), пока ситуация не придет в какое-то равновесие⁶³.

Как уже говорилось выше, реакция на быстро изменяющиеся и негативные события не может быть полностью адекватной, напротив, как правило, она бывает нерациональной, неадекватной, панической. При другой, более рациональной реакции резкий обвал может и не наступить. Однако смена настроений и ожиданий происходит очень резко, что значительно ухудшает ситуацию. «Врожденная людская склонность переходит от эйфории к панике и наоборот кажется вечной; опыт многих поколений не смог ее искоренить», – очень верно отмечает А. Гринспен (2009: 442). Такого рода массовые движения в чем-то сродни движениям толпы, в кото-

⁶² Например, получение нужного кредита для поддержания курса акций, скажем, в связи с резким выходом многих спекулянтов из процесса и продажей акций, чтобы зафиксировать прибыль.

⁶³ Отметим, однако, что подфаза острого кризиса не является абсолютно неизбежной. Во-первых, острота краха связана напрямую со степенью «перегрева» экономики. И если вовремя приняты меры по сокращению «перегрева», то и краха как такового можно избежать (хотя тот или иной спад может иметь место). Во-вторых, если в период возникновения сжатия кредита, наибольшего дефицита финансовых ресурсов, банкротства крупных игроков и т. п. удастся вовремя оказать помощь, остается надежда избежать ситуации острого кризиса и краха. Также добавим, что «перегрев» и следующий за ним острый кризис со схлопыванием биржевых и иных пузырей чаще возникают на повышательных фазах кондратьевских волн, чем на понижательных. Правда, в настоящий момент за счет того, что имеют место сверхдешевые кредиты, на биржах мира, несмотря на общее вялое развитие, надулись довольно большие пузыри. И они скоро могут начать лопаться или сдуваться (история Шанхайской и Шэньчжэньской бирж в 2015–2016 гг. тут вполне показательна).

рой, согласно Н. К. Михайловскому (1998 [1882]), обязательно найдется «герой», за которым ринутся остальные. Такие «шараханья», собственно, и создают тот резкий крен, который, образно говоря, окончательно опрокидывает уже перегруженную лодку экономики. Подобные явления резко неадекватной реакции на изменившуюся ситуацию в экономике можно назвать **эффектом одного борта** (Гринин 2009d; Гринин, Малков, Коротаяев 2010a; 2010б). Если все пассажиры корабля кинутся на одну сторону, то корабль может перевернуться, притом что до этого он находился в достаточно устойчивом положении.

Подфаза экономического спада

Далее фаза рецессии переходит из полосы острого кризиса в спад, который захватывает все новые и новые области. Здесь мы считали бы нужным добавить, что если рассматривать экономику как единую систему или единый организм, то нет ничего удивительного, что при нарушении только одной жизненно важной подсистемы/органа (какими, скажем, являются банки или биржа) происходит нарушение жизнедеятельности всей экономики, что порой ведет к всеобщему коллапсу⁶⁴.

Как уже упоминалось выше, в фазе рецессии действуют в высокой степени те же механизмы положительной обратной связи, что и в фазе подъема, но в противоположном направлении: 1) очевидно, что в этой фазе сокращение спроса ведет к сокращению производства, а сокращение производства в свою очередь ведет к дальнейшему сокращению спроса; 2) сокращение производства вызывает рост безработицы, а это дополнительно ведет к сокращению спроса, что ведет к падению производства, а это ведет к росту безработицы и т. д.; 3) падение производства способствует росту кризисных ожиданий, что, в свою очередь, ведет к падению долгосрочных инвестиций, а это способствует сокращению производства; 4) падение производства создает неуверенность, что ведет к сокращению предложения кредита, что сокращает спрос и ведет к усилению экономического спада. Спад приводит к дальнейшему сокращению предложения кредита, что ведет к падению общего спроса и далее к спаду производства; 5) падение производства предметов потребления ведет к еще более масштабному падению производства средств производства, что обуславливает еще большее падение производства предметов потребления (в том числе и из-за сокращения спроса на предметы потребления со стороны работников, сократившегося сектора производства средств производства).

И наконец, очень важный момент, также противоположный фазе подъема, заключается в том, что хотя объем производства падает, но длительное время из-за накопленных резервов и запасов, все еще вводимых в строй новых технологических мощностей предложение существенно

⁶⁴ В качестве аналогии для объяснения возникновения острой фазы кризиса в результате причин, иногда на первый взгляд не слишком серьезных, можно привести ситуацию на перегруженной трассе, где одна авария (а тем более несколько) сразу парализует все движение.

опережает спрос. В результате цены не только перестают расти, но, напротив, сдуваются последние «пузыри», созданные во время бума, и часто начинается падение цен. Инфляция превращается в дефляцию. Во всяком случае, это было обычным явлением для фазы спада при золотом стандарте, но в последние десятилетия XX в. дефляция уже не была обязательной. Ситуации, когда спад производства шел не с падением цен (дефляцией), а с их подъемом (инфляцией), наблюдались в США в течение некоторых послевоенных кризисов (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2010: Гл. 2), но особенно заметной такая необычная комбинация стала в период кризиса 1974–1975 гг. Ситуацию спада производства в сочетании с ростом цен назвали стагфляцией⁶⁵. Однако в последние несколько лет (после 2010 года) депрессивное развитие стало вновь сопровождаться дефляционными трендами. Это во многом объясняется тем, что в условиях глобализации регулирование на национальном уровне уже не дает прежнего эффекта, экономический цикл стал в ряде моментов похож на своих классических предшественников. Есть и другие причины, в частности связанные со старением населения (подробнее см.: Гринин, Коротаев 2014б; 2015а; 2016).

Нужна сильная коррекция, чтобы вернуться к какому-то равновесию, так как в предыдущей фазе оно было серьезно нарушено. Возникший избыток ресурсов должен быть так или иначе уничтожен. Отсюда нередко говорят о расплате за предыдущее процветание и нерациональное поведение, в том числе за безудержную стимуляцию экономики с помощью кредита (von Mises 1981 [1912]; Ротбард 2005 [1969]; Мендельсон 1959 [1964]).

Возрастание доли рискованного кредита в рыночной экономике является центральной частью теории известного американского экономиста Х. Мински (Minsky 1983; 1985; 1986; 2005).

Фаза спада иногда может прерываться новым непродолжительным подъемом, за которым опять наступает спад, правда, низшая точка спада теперь становится выше, чем была до указанного краткосрочного подъема. Это хорошо видно из Рис. 6 (Хансен 1959: 82, рис. 12). Подобная ситуация сегодня наблюдается в России, Бразилии и ряде других стран, в которых начался довольно мощный подъем после падения в 2009 году. Но в 2012–2013 годах подъем стал замедляться, перешел в депрессию, а затем и в рецессию. Последняя началась в России в результате сдутия нефтяного пузыря и падения цен на нефть. Это еще раз показывает, во-первых, что цикл на цикл не похож, а модель может только дать наиболее общие характеристики цикла, а во-вторых, что экономические циклы на мировом уровне и на страновом существенно отличаются.

⁶⁵ Можно назвать две причины стагфляции. Во-первых, отмена золотого стандарта, которая сделала возможными попытки извлечения прибыли с помощью роста цен на товары с неэластичным потреблением. Во-вторых, резкий рост цен на нефть (кстати говоря, один из наименее эластичных товаров), причем возможности их падения препятствовали картельные соглашения стран ОПЕК.

8.4. Фаза депрессии

В отношении этой фазы достаточно часто высказывают мнения подобно следующему, которое, на наш взгляд, является вполне справедливым: «Эта фаза вытекает, причем неизбежно, из предшествующего экспансионистского бума. Именно предшествующая инфляция делает фазу депрессии неизбежной. Таким образом, депрессия – это процесс, посредством которого рыночная экономика адаптируется, избавляется от крайностей и искажений предыдущего инфляционного бума и восстанавливает устойчивое экономическое положение. Депрессия является малоприятной, но необходимой реакцией на искажения и крайности предшествующего бума» (Ротбард 2005 [1969]).

Это та фаза, когда многие крайне важные в предыдущих фазах элементы экономики, скажем, капитал или кредит, не находят себе полного применения. В фазе депрессии, например, накапливаются свободные средства, под которые нередко трудно найти заемщиков, отчего процентные ставки резко падают (см., например: Туган-Барановский 2008 [1913])⁶⁶. Но в то же время это фаза, когда происходит активная перестройка экономики. По мнению Дж. Кейнса, до начала оживления обычно должен пройти определенный период, поскольку необходимо восстановление предельной эффективности капитала (Кейнс 1978 [1936]: Гл. 22). Однако для такого восстановления, на наш взгляд, помимо собственно времени, усилий предпринимателей и восстановления равновесия также очень важно, чтобы в этот период были устранены те или иные препоны, запреты и возникли новые стимулы для роста. Чем оно глубже, тем заметнее может оказаться резерв для роста. По нашему мнению, чем больше резерв для развития, тем длительнее может быть подъем и короче спад. Этим в том числе объяснялось замеченное Ж. Лескюром обстоятельство, что в США в XIX в. подъемы продолжались дольше, чем в Европе, а перелом промышленной волны наступал обычно на 2–3 года позже (Лескюр 1908: 241). Ведь США тогда имели колоссальные резервы для развития как внутри страны, так и за счет притока иммигрантов и капиталов.

Пояснение. Как уже было указано выше, новый цикл начинается в период очередной депрессии на новом уровне равновесия (Schumpeter 1939), после прохождения «мертвой точки депрессии», по выражению А. Шпитгофа (см.: Хаберлер 2008: 73). Установление этого нового уровня равновесия говорит о том, что часть проблем, приведших к кризису и спаду, уже снята, а возможности для развития расширены. Однако заметим, что такое снятие или отодвигание препятствий/ограничений для развития

⁶⁶ В современных условиях это усиливается политикой низких ставок, которую проводят ЦБ. Также именно в эти периоды (в современную эпоху) растет государственный долг, роль которого состоит одновременно и в уменьшении социально-экономических сложностей на фазе депрессии (или низких темпов роста), и в увеличении рынка долговых бумаг, что позволяет банкам и финансовым учреждениям делать свой бизнес.

никогда не достигается только чисто технологическими или производственными мерами, как следует по логике идей Й. Шумпетера (1982)⁶⁷. Даже если в центре происшедших изменений стоят чисто технические усовершенствования, они всегда ведут к существенным социальным трансформациям. Так, после кризиса 1825 г. в Англии начали активно внедрять механические ткацкие станки, что привело к удешевлению тканей и росту их производства более чем в полтора раза к моменту следующего кризиса 1836 г. (см.: Мендельсон 1959 [1964], т. 1). Но к этому времени в Англии насчитывался 1 млн ручных ткачей, которые в целом получали достаточную плату. К следующему кризису, 1836 г., их число резко сократилось, а к кризису 1847 г. их и вовсе осталось небольшое количество (кроме того, число ткачей резко уменьшилось в Индии). Поэтому этап активного роста экономики, связанный с периодическими кризисами, обычно сопровождается и очень серьезными социально-политическими и правовыми перестройками. Это объясняет, почему кризис надо рассматривать не просто как экономические колебания конъюнктуры, но как кризис структуры, которая уже не соответствует выросшей экономике.

После прохождения фазы депрессии начинается фаза оживления, которая была описана выше. Но если вернуться к идее о колебаниях в процессе цикла дефицита спроса и предложения, то можно добавить, что при выходе из депрессии точек роста сначала немного, и их выделение требует предпринимательских талантов, интуиции и везения. Крайне важно, если к этому времени реально существует кластер важных технических и иных (торговых, коммуникативных, финансовых) инноваций, что существенно расширяет горизонт применения для капиталов и облегчает подъем (в современный период их, например, мало). Так или иначе, по мере развития фазы роста сфера выгодного вложения капитала расширяется. В разгар фазы роста, как правило, существует много выгодных сфер вложения денег, но понемногу ниши заполняются, производство достигает оптимального объема. Дальше становится сложнее наращивать его прежними темпами. Поэтому количество сфер выгодного приложения капитала начинает сокращаться. В оставшиеся выгодные ниши устремляется все большая часть капиталов. Наконец область выгодного вложения капиталов сужается часто до классических сфер (недвижимости, финансовых инструментов, сырья, а нередко и чего-то специфического для данного момента, например интернет-компаний). Там и надуваются «пузыри», которые в конце концов ведут к краху, после которого в течение ряда лет копившееся во всех сферах перепроизводство проявляет себя в полной силе.

9. Базовая математическая модель цикла Жюгляра

По нашему мнению, математическая модель цикла Жюгляра должна учитывать следующие эффекты, присущие рыночной экономике:

---

⁶⁷ Иногда оно может быть снято расширением зарубежных рынков и т. п.

- наличие положительных обратных связей между экономическими процессами;
- наличие определенной инерционности, запаздывания реакции экономики на изменение условий (например, запаздывание изменения инвестиций по отношению к изменению спроса, запаздывание изменения выпуска продукции по отношению к изменению объема инвестиций);
- усиление финансовой системой обратных положительных связей и временных лагов в экономике (за счет влияния кредитов, спекулятивных операций и т. п. на экономические процессы);
- избыточную (и слишком быструю) реакцию на изменившиеся условия в фазе кризиса.

Модель строится следующим образом.

Рассматривается динамика выпуска Y (ВВП) в экономической системе. Производимая продукция (выпуск Y) определяется производственной функцией: количеством произведенных товаров и услуг в зависимости от затрат труда (L) и капитала (K). В макроэкономических исследованиях в качестве производственной функции обычно используется функция Кобба – Дугласа:

$$Y = A \cdot K^\alpha \cdot L^\beta, \quad (1)$$

где множитель A учитывает влияние технического прогресса, α и β – коэффициенты. Произведенная продукция расходуется на потребление (C) и инвестиции (I):

$$Y = C + I. \quad (2)$$

Инвестиции расходуются на то, чтобы: а) компенсировать выбытие основного капитала (амортизация); б) обеспечить увеличение основных фондов и соответственно увеличение выпуска продукции:

$$dK/dt = I - g_1 K, \quad (3)$$

где g_1 – коэффициент выбытия основных фондов.

Положительная обратная связь между инвестициями и изменением спроса (и изменением цен, поскольку цены напрямую зависят от спроса: высокий неудовлетворенный спрос, как мы видели, приводит к повышению цен) имеет вид:

$$I \sim b \cdot dC/dt, \quad (4)$$

то есть уровень инвестиций пропорционален изменению спроса (изменению цен). Коэффициент b отражает влияние финансовой системы: чем сильнее спекулятивный ажиотаж, чем доступнее кредиты, тем выше коэффициент b . Запаздывание изменения величины инвестиций I от изменения спроса C может быть учтено с помощью выражения:

$$dI/dt = -a \cdot (I - b \cdot dC/dt - g_2 \cdot K), \quad (5)$$

где коэффициент a отражает быстроту реакции инвесторов на изменение спроса (при увеличении a быстрота реакции возрастает), член $g_2 \cdot K$ характеризует склонность к инвестициям. Запаздывание изменения выпуска Y от изменения капитала K может быть учтено с помощью выражения:

$$dY/dt = -r \cdot (Y - A \cdot K^\alpha \cdot L^\beta), \quad (6)$$

где коэффициент r характеризует скорость ввода в эксплуатацию новых основных фондов.

Уравнения (2), (3), (5), (6) составляют систему уравнений макроэкономической динамики. В приближении $g_1 \rightarrow 0$, $g_2 \rightarrow 0$, $\alpha \rightarrow 1$ эти уравнения могут быть преобразованы в одно линейное дифференциальное уравнение второго порядка:

$$(1 + ab) \cdot d^2I/dt^2 + (a + r + rab) \cdot dI/dt + ar(1 - bAL^\beta) \cdot I = 0, \quad (7)$$

из которого следует, что экономическая система в ходе своей эволюции стремится к равновесию, а при выводе системы из равновесия в ней будут наблюдаться затухающие колебания. Частота колебаний равна $(ar(1 - bAL^\beta)/(1 + ab))^{1/2}$, она уменьшается при увеличении b и возрастает при увеличении a и r . Коэффициент затухания равен $(a + r + rab)/(1 + ab)$, он возрастает при увеличении a и r . Это означает, что наличие доступных кредитов увеличивает период колебаний и отсрочивает наступление кризиса. Уменьшение временных лагов (высокие значения a и r), напротив, способствует более быстрой реакции экономической системы на дестабилизирующие воздействия и более быстрому ее возвращению к равновесному состоянию (заметим, что данные особенности сохраняются при произвольных значениях параметров g_1 , g_2 , α).

В свете этого наиболее «естественной» для экономики является *фаза депрессии*, то есть состояние равновесия и простого воспроизводства. Однако это состояние не удовлетворяет экономических агентов, поскольку при простом воспроизводстве уровень прибыли низкий, а накопленные капиталы не находят себе эффективного применения. Предприниматели априори не знают, куда вкладывать деньги (инвестиции – вещь затратная и одновременно рискованная: произведенная продукция может не найти спроса и вместо прибыли можно получить убытки), поэтому они ждут сигналов от рынка. Как только эти сигналы возникают, начинается оживление. Основным сигналом является повышенный спрос на какие-либо отдельные виды продукции (например, инфраструктуру, недвижимость или товары, обладающие новыми свойствами вследствие применения новых технологий). Первоначально этот спрос обеспечивается за счет накопленных в экономике средств («автономный спрос» C_a) (*фаза оживления*), затем он начинает подпитываться кредитами. Автономный спрос, усиленный кредитной системой, стимулирует производственные инвестиции в отрасли производства, ставшие прибыльными, и приводит к разогреву и подъему экономики в целом (*фаза подъема*). Соответственно уравнение (5) для динамики инвестиций с учетом влияния автономного спроса принимает вид:

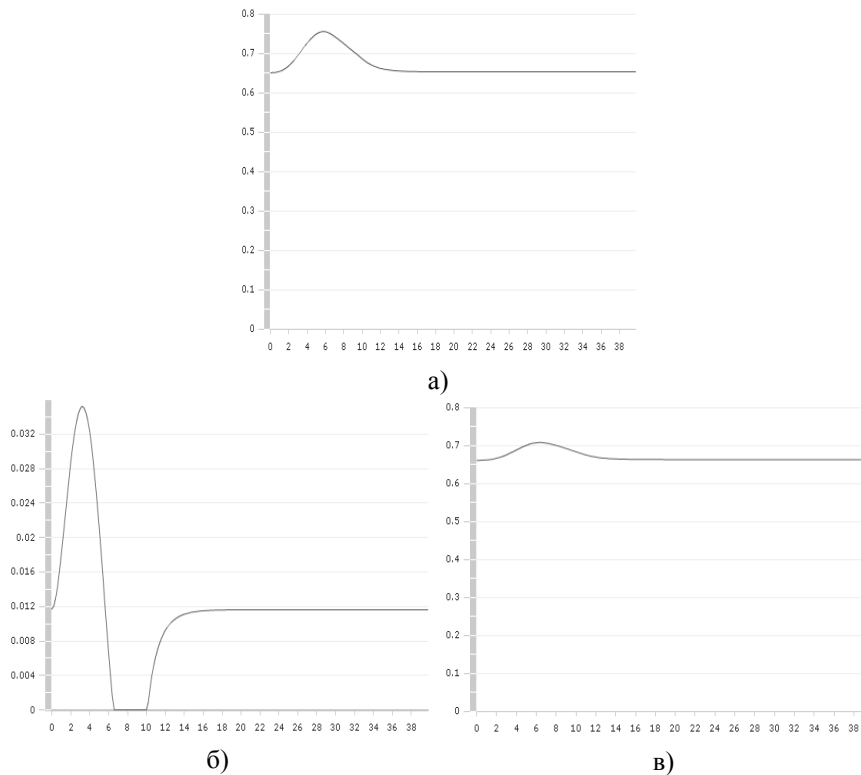
$$dI/dt = -a \cdot (I - b \cdot (dC/dt + dC_a/dt) - g_2 \cdot K). \quad (8)$$

Поскольку инвестиционный процесс и создание новых производств запаздывают по отношению к изменению автономного спроса (уравнения (6)

и (8)), то через определенное время возникает ситуация, когда спрос уже насытился и начинает снижаться, а производственные мощности по производству товаров продолжают расширяться, в том числе в результате действий спекулянтов, дополнительно усиливающих сложившиеся диспропорции (*подфаза перегрева*). Возникает острый кризис несоответствия деловых ожиданий повышения реальным тенденциям рынка, направленным теперь уже на понижение, цены на активы и важнейшие ресурсы падают, предложение кредитов резко сокращается, происходят банкротства, невозвраты долгов, начинаются сокращения в реальном секторе (*фаза рецессии*). После этого экономика опять вступает в *фазу депрессии* и не растет в объемах до нового «шока» спроса. Правда, это состояние отличается от того, которое было перед началом цикла, поскольку экономика приобрела новый качественный вид: в ней появились новые отрасли, освоены новые технологии, возникли новые потребности. Это в чем-то аналогично биологической эволюции: появление экологических ниш приводит к возникновению новых биологических видов, что в конечном итоге увеличивает биологическое разнообразие.

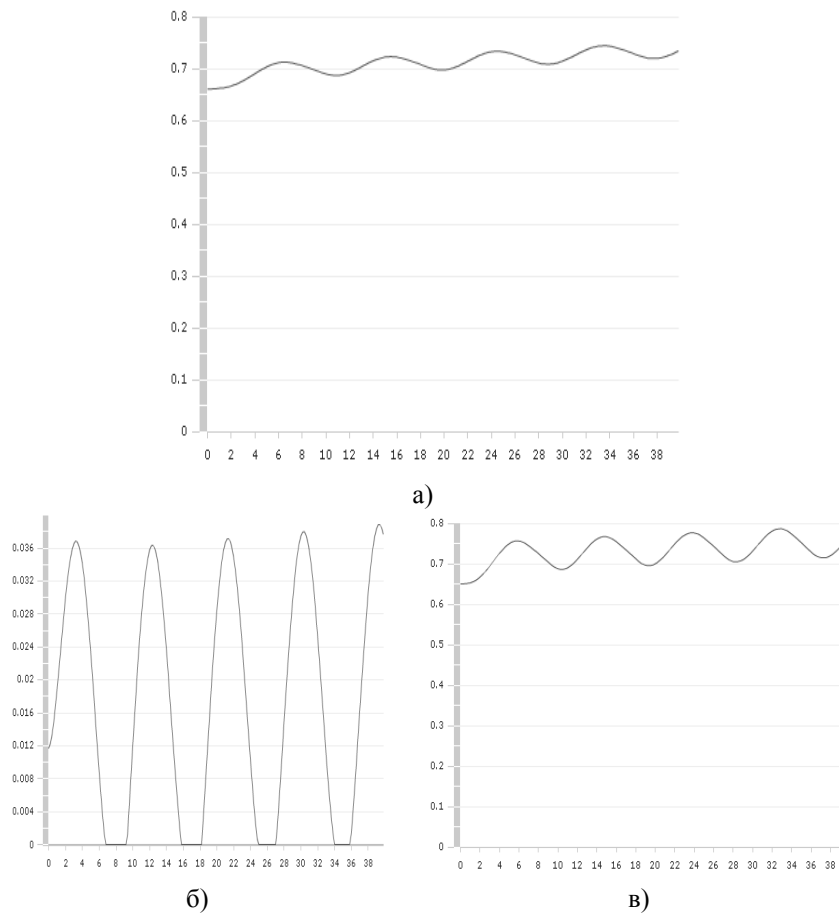
На Рис. 9, 10 и 11 представлены результаты вычислений с использованием базовой модели (2), (3), (6), (8) для нескольких расчетных случаев.

На Рис. 9 отражена реакция экономической системы на «всплеск» спроса (а). Видно, что он вызывает всплеск инвестиционной активности, который затем сменяется резким спадом (кризисом) и выходом в депрессивное состояние (б). Результатом является временное повышение ВВП с последующим его уменьшением практически до исходного значения (в).

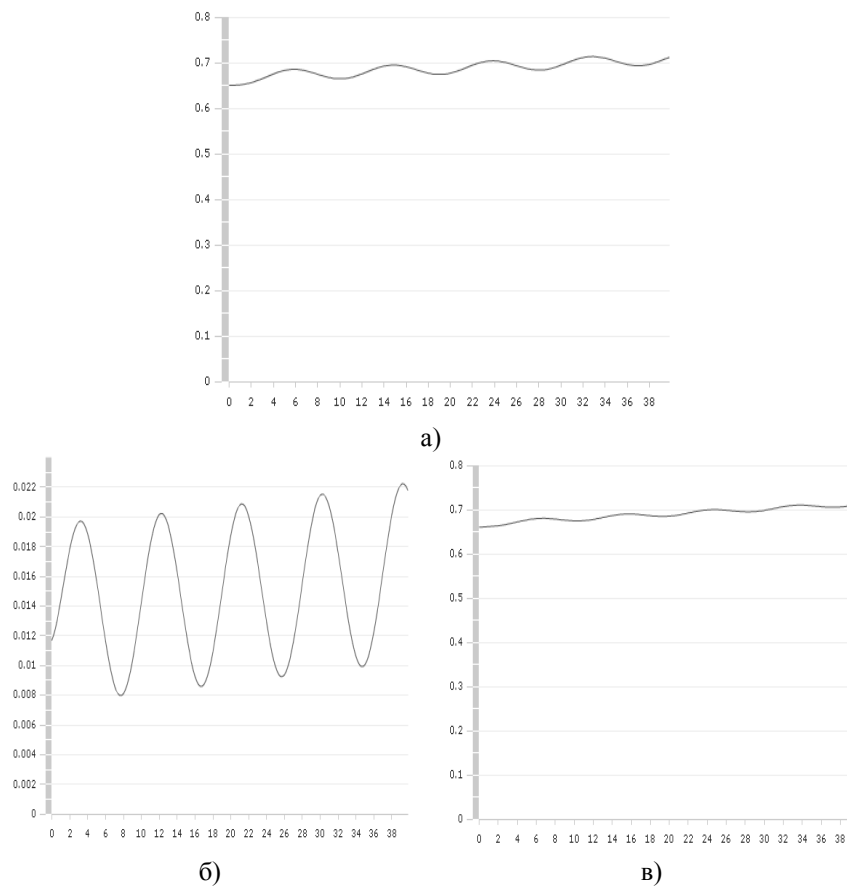
Рис. 9. Реакция экономической системы на «всплеск» спроса: а) изменение спроса (отн. ед.); б) динамика инвестиций как реакция на изменение спроса (отн. ед.); в) динамика ВВП (отн. ед.) (по оси абсцисс – годы)

На Рис. 10 отражена реакция экономической системы на периодически возникающую активизацию спроса (а) при существенной величине обратной положительной связи, обусловленной влиянием финансовой системы. Видно, что это приводит к резким изменениям инвестиционной активности (б) и циклической динамике ВВП (в).

Рис. 10. Реакция экономической системы на периодически возникающую активизацию спроса при высоком значении коэффициента b : а) изменение спроса (отн. ед.); б) динамика инвестиций как реакция на изменение спроса (отн. ед.); в) динамика ВВП (отн. ед.) (по оси абсцисс – годы)

На Рис. 11 отражена реакция экономической системы на периодически возникающую активизацию спроса при тех же параметрах, что и на Рис. 10, но при низкой величине обратной положительной связи, обусловленной влиянием финансовой системы. Видно, что возникающие колебания имеют существенно меньшую амплитуду и экономическая динамика приобретает более плавный характер:

Рис. 11. Реакция экономической системы на периодически возникающую активизацию спроса при низком значении коэффициента b : а) изменение спроса (отн. ед.); б) динамика инвестиций как реакция на изменение спроса (отн. ед.); в) динамика ВВП (отн. ед.) (по оси абсцисс – годы)

10. Важность дальнейших разработок теории циклов Жюгляра

После Великой депрессии интерес к циклам Жюгляра резко возрос, и, по словам Г. Хаберлера (2008: 431), никогда еще в истории экономической науки не было периода, когда бы проблема экономического цикла исследовалась столь усиленно. Однако позже в связи с тем, что во второй половине XX в. (особенно на повышательной фазе четвертой кондратьевской

волны) протекание циклов существенно изменилось (в первую очередь под влиянием активного воздействия государства на экономическую конъюнктуру)⁶⁸, рецессии перестали быть столь глубокими, как раньше, а сами моменты кризисов – столь драматичными, оживление наступало сравнительно быстро, исследователи стали уделять гораздо больше внимания инструментам воздействия на денежную массу, чем циклам Жюгльера (хотя им, правда, скорее уже по традиции, обычно отводили особую главу в учебниках макроэкономики⁶⁹). Мы полагаем, что подобное пренебрежение к исследованию жюгльеровских циклов непродуктивно. По нашему мнению, современный кризис 2008–2010 гг., как и последовавшая за ним фаза депрессии (в целом для мира скорее депрессивная фаза низких темпов роста, но для отдельных стран, включая Россию, депрессия или даже рецессия налицо, см. выше) во многом оказывается весьма похожим по типу на классический кризис конца цикла Жюгльера. Как уже сказано, характерными для классических J-циклов (на повышательной фазе кондратьевских волн) были быстрый, иногда просто взрывной, подъем (бум), требующий огромного напряжения экономики, и затем еще более быстрый крах.

Такая классическая жюгльеровская цикличность в своем ярко выраженном, то есть не сглаженном вмешательством государства, виде определялась: а) наличием золотого стандарта в расчетах внутри страны и между странами⁷⁰; б) свободным движением цен и колебанием процента; в) относительно малым вмешательством государства в дела во время подъема и даже кризиса и спада (хотя постепенно такое вмешательство росло). Отсюда период подъема, затем бума и «перегрева» экономики сопровождался быстрым и неадекватным ростом цен на сырье и недвижимость, спекуляций с товарными и фондовыми ценностями, большим напряжением кредита и огромным увеличением рискованных операций, расширением инвестиций выше всяких разумных пределов. И затем следовал неожиданный крах.

⁶⁸ Это вынуждены были признать даже наиболее добросовестные советские экономисты, такие как академик Е. С. Варга, венгр по национальности, ученик еще австрийской экономической школы (см., например: Варга 1974б: 366–400), указавший, в частности, что фаза депрессии резко сократилась. На изменения протекания кризисов в Англии с конца XIX в. первым указал М. И. Туган-Барановский (2008 [1913]). У. Митчелл также считал, что хотя рецессия – обязательная часть цикла, не всякий цикл обязательно связан с кризисом (Митчелл 1930: 391–392). Подробнее анализ послевоенных циклов см.: Гринин, Коротаяев 2010.

⁶⁹ См., например: Мэнкью 1994: Гл. 14; Сакс, Ларрен 1996: Гл. 17; Абель, Бернанке 2008: Гл. 8, хотя такие главы имеются и не во всех подобных учебниках. Например, в учебнике Р. Дорнбуша и С. Фишера (1997) такой главы нет.

⁷⁰ Так, при чрезмерном росте кредитования и «разбухании» финансовых активов количество заменителей денег (акций, векселей, облигаций и т. п.) значительно увеличивалось. В результате при уменьшении доверия к этим бумагам внезапный спрос на золото и наличные мог возрасти настолько, что разрушал всю банковскую систему. При этом мог происходить отток золота в другие страны.

данный на фоне процветания и, казалось бы, внезапный крах. Все это яркие черты цикла Жюгляра, неоднократно описанные в литературе самых разных школ (см., например: Juglar 1862; 1889; Лескюр 1908; Туган-Барановский 2008 [1913]; Маркс 1961 [1893; 1894]; Мендельсон 1959 [1964]; Гильфердинг 1922; Хаберлер 2008; Кейнс 1978 [1936]; Хикс 1993: 432–442; Абель, Бернанке 2008: 361–502; Самуэльсон, Нордхаус 2009).

«Разбухание» ценностей за счет вышеописанных и иных способов в период бума на время фактически снимало ограничения, поставленные металлическим стандартом. Почти всегда в фазе подъема дополнительно работает либо новая финансовая технология (конечно, наряду со старыми), либо новый тип активов (такими были в течение ряда периодов XIX в., например, железнодорожные акции), позволяющие разогнать кредит, спекуляцию и в целом усилить «перегрев» экономики. Денежная составляющая циклов Жюгляра всегда была исключительно важной, хотя в основе самого циклического **возрастающего** движения лежала, конечно, реальная экономика.

Указанные причины во многом и вызывали очень резкие и ярко выраженные циклические черты; в частности, до отмены золотого стандарта при уменьшении доверия к заменителям денег спрос на золото и наличные возрастал настолько, что разрушал всю банковскую систему. Однако постепенно за счет национальных ЦБ и под воздействием кейнсианских рецептов в рамках развития национальной экономики удалось минимизировать эти драматические перекосы взлетов и падений, а также поставить спекуляцию под некоторый контроль (например, после Великой депрессии в США был принят закон Гласса – Стигала, запрещающий банкам, инвестиционным фирмам и страховым компаниям спекулировать на биржах [см.: Лан 1976; Самуэльсон, Нордхаус 2009; Суэтин 2009: 41]). Это привело к сглаживанию колебаний циклических фаз и менее взрывному протеканию кризисов⁷¹.

Но дело в том, что в настоящее время кризис явно перерос национальные рамки, он разразился именно как международный, в котором национальные нормы уже действуют в явно ослабленном виде, а правила международной регуляции еще не выработаны. Отсюда и повторение на новом этапе ряда старых черт, ведь методы регуляции, годящиеся для отдельной страны, не работают в мир-системном масштабе, тем более что и правил такой регуляции не выработано. И современные количественные смягчения, попытки разогнать инфляцию (в Японии) за счет фактической

⁷¹ В 1999 г. в США был принят закон о модернизации финансовых услуг, который отменил действовавший более 60 лет закон Гласса – Стигалла (см.: Суэтин 2009б: 41). В качестве аргумента введения закона о модернизации финансовых услуг звучали заявления о том, что американские кредитные учреждения уступают иностранным конкурентам – особенно европейским и японским «универсальным банкам», на которые ограничения не распространялись (Гринспен 2009: 200). Это было одной из причин возросшей силы кризиса 2007–2008 гг.

девальвации валюты, другие масштабные денежно-кредитные антидепрессивные акции делают эту сферу в мировом масштабе еще менее управляемой, чем ранее (см.: Акаев и др. 2012; Гринин 2009б; Гринин, Коротаев 2014а; 2015а).

Мы считаем, что такое повторение сегодня некоторых черт цикла Жюгляра связано именно с тем, что в современном кризисе явно обнаружилось эти черты анархичности и аритмичности развития нерегулируемой рыночной экономики:

1. Субъекты международного права (и их экономические агенты) во многом ведут себя так, как вели раньше субъекты рынка и национального права, а поскольку в своих расчетах они используют валюту и валютные курсы, это неизбежно приводит к резким перекосам в международной торговле, девальвациям и т. п.

2. В последние десятилетия движение капиталов между странами стало свободным, то есть оно относительно слабо регулируется национальным и почти не регулируется международным правом. Это вызывает масштабные и стремительные перемещения капитала, которые ведут к очень быстрому подъему в некоторых местах и затем резкому спаду при кризисных явлениях.

3. В современной экономике не только появились новые финансовые технологии, но и сама современная экономика стала во многом производить ценности именно в финансовой сфере (финансовых услугах). Таким образом, резко выросла финансовая составляющая кризиса (в отличие от предыдущих десятилетий, где основной рост шел в материальной сфере; подробнее эти процессы проанализированы нами в следующих публикациях: Гринин 2009б; 2009г; 2009д; Гринин, Коротаев 2010; Гринин и др. 2010а; 2010б; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2010; Grinin *et al.* 2010). См. наш анализ, согласно которому финансовые технологии и злоупотребление ими в современный период ведут к приближению нового кризиса (Гринин, Коротаев 2016).

В завершение статьи мы хотели бы указать на следующий важный момент. Деятельность современных финансовых корпораций и фондов, приводящая к неконтролируемому росту финансовых активов и анархии в их перемещении, абсолютно справедливо подвергается критике (см., например: Schäfer 2009: 279–280), в том числе и в наших собственных работах (Гринин 2008; 2009б; 2009г; 2009д; Гринин, Коротаев 2010; Гринин и др. 2010а; 2010б; Grinin 2012; Grinin, Korotayev 2010; Grinin *et al.* 2010). Поэтому мы абсолютно убеждены в необходимости искать возможности для минимизации рисков в мировом масштабе, для регулирования деятельности финансовых агентов и ограничения их в наиболее опасных операциях (Гринин 2008б; 2009б; 2009г; 2009д; Гринин, Коротаев 2010; Гринин и др. 2010а; 2010б; Grinin 2012; Grinin, Korotayev 2010; Grinin *et al.* 2010). Однако было бы крайне неправильно представлять, что новейшие

финансовые технологии вредны в самой своей основе, что они приводят мировую экономику только к различным неприятностям и выгодны лишь паразитирующим финансистам и спекулянтам. Напротив, как возникновение, так и современное состояние финансового сектора было призвано решать очень важные задачи, причем именно в глобальном плане. Наш собственный анализ показал, что мировые финансовые потоки сегодня выполняют и важные позитивные функции, включая «страхование» социальных гарантий в мировом масштабе (см.: Гринин 2009d; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015; Гринин, Коротаев 2015b; Grinin 2010; 2012; Grinin, Korotayev 2010; 2015b; Grinin, Korotayev, Tausch 2016).

Библиография

- Абель Э., Бернанке Б. 2008. *Макроэкономика*. 5-е изд. СПб.: Питер.
- Акаев А. А., Коротаев А. В., Фомин А. А. 2012. *Динамика темпов глобальной инфляции: закономерности и прогнозы*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Акаев А. А., Садовничий В. А. 2010. О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования динамики развития мировой и российской экономики. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. В. А. Садовничий, А. А. Акаев, Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев, с. 5–69. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Аллен Р. 2013. *Глобальная экономическая история: Краткое введение*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Аллен Р. 2014. *Британская промышленная революция в глобальной картине мира*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Арриги Дж. 2006. *Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени*. М.: Территория будущего.
- Блант М. 2008. *Финансовый кризис*. М.: АСТ.
- Блауг М. 1994. *Экономическая мысль в ретроспективе*. М.: Дело.
- Бродель Ф. 1986–1992. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVII вв.*: в 3 т. М.: Прогресс.
- Варга Е. С. 1937. *Мировые экономические кризисы 1848–1935 гг.* Т. 1. М.: ОГИЗ.
- Варга Е. С. 1974a. *Капитализм после Второй мировой войны*. М.: Наука.
- Варга Е. С. 1974б. *Начало общего кризиса капитализма*. М.: Наука.
- Вирт М. 1877. *История торговых кризисов в Европе и Америке*. СПб.: Знание.
- Гегель Г. 1934. *Философия права*. М., Л.: Соцэкгиз.
- Геллнер Э. 1991. *Нации и национализм*. М.: Прогресс.
- Гильфердинг Р. 1922. *Финансовый капитал: новейшая фаза в развитии капитализма*. М.: Госиздат.
- Голдстоун Д. 2014. *Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.

- Головин М. 2009. Теоретические подходы к проведению денежно-кредитной политики в условиях финансовой глобализации. *Вопросы экономики* 4: 42–58.
- Григорьев Л., Салихов М. 2008. Финансовый кризис – 2008: вхождение в мировую рецессию. *Вопросы экономики* 12: 27–45.
- Гринин Л. Е. 2003. *Производительные силы и исторический процесс*. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2006. Периодизация истории: теоретико-математический анализ. *История и Математика: Проблемы периодизации исторических макропроцессов* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 53–79. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2007а. *Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса*. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2007б. *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому*. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2007в. Некоторые размышления по поводу природы законов, связанных с демографическими циклами (к постановке проблемы определения общих методологических подходов к анализу демографических циклов). *История и математика: Концептуальное пространство и направления поиска* / Ред. П. В. Турчин, Л. Е. Гринин, С. Ю. Малков, А. В. Коротаев, с. 219–246. М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е. 2008. Нежеланное дитя глобализации. Заметки о кризисе. *Век глобализации* 2: 46–53.
- Гринин Л. Е. 2008б. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета. *Век глобализации* 1: 86–97.
- Гринин Л. Е. 2009а. *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса*. 2-е изд. М: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е. 2009б. Глобальный кризис как кризис перепроизводства денег. *Философия и общество* 1: 5–32.
- Гринин Л. Е. 2009в. Психология экономических кризисов. *Историческая психология и социология истории* 2(2): 75–99.
- Гринин Л. Е. 2009г. Современный кризис: новые черты и классика жанра. *История и современность* 1: 3–32.
- Гринин Л. Е. 2009д. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? *Век глобализации* 2: 117–140.
- Гринин Л. Е. 2010. Из мальтузианской ловушки в ловушку модернизации. К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах мир-системной периферии. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 337–356. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е. 2012. Реконфигурация мира, или наступающая эпоха новых коалиций (возможные сценарии ближайшего будущего). *История и современность* 2: 3–27.

- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015. *От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего)*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009а. *Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2010. *Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена*. М.: ЛКИ.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012. *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюглярских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек*. М.: ЛКИ.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2014а. Взаимосвязь длинных и среднесрочных циклов (кондратьевских волн и жюглярских циклов). *Кондратьевские волны: длинные и среднесрочные циклы*, с. 15–73. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2014б. В защиту Н. Д. Кондратьева. Постраничные комментарии к статье А. С. Смирнова. Предварительные комментарии. *Кондратьевские волны: длинные и среднесрочные циклы: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 170–275. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2014в. Инфляционные и дефляционные тренды мировой экономики, или распространение «японской болезни». *История и Математика: Аспекты демографических и социально-экономических процессов: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 229–253. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2015а. Дефляция как болезнь современных развитых стран. *Анализ и моделирование мировой и страновой динамики: методология и базовые модели* / Отв. ред. В. А. Садовничий, А. А. Акаев, С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, с. 241–270. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2015б. Глобальное старение населения, шестой технологический уклад и мировая финансовая система. *Кондратьевские волны: наследие и современность: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, В. М. Бондаренко, с. 107–132. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2016. Длинноволновая динамика и современные дефляционные тренды: анализ и прогнозы. *Проблемы теории и практики управления* 6: 111–117.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Гринин А. Л. 2016. Глобальное старение населения, шестой кондратьевский цикл и кибернетическая революция. *Проблемы теории и практики управления* 7: 54–59.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2010а. История, Математика и некоторые итоги дискуссии о причинах Русской революции. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 368–427. М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Коротаев А. В. 2010а. Математическая модель среднесрочного экономического цикла. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, с. 292–304. М.: ЛКИ/URSS.

- Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Коротаев А. В. 2010б. Математическая модель среднесрочного экономического цикла и современный глобальный кризис. *История и Математика: Эволюционная историческая макродинамика* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 233–284. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринспен А. 2009. *Эпоха потрясений: Проблемы и перспективы мировой финансовой системы*. 2-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс.
- Дорнбуш Р., Фишер С. 1997. *Макроэкономика*. М.: МГУ.
- Доронин И. Г. 2003. Мировые фондовые рынки. *Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет* / Ред. И. С. Королев, с. 101–133. М.: Экономистъ.
- Ершов М. 2009. Мировой финансовый кризис: год спустя. *Вопросы экономики* 12: 4–21.
- Карлусов В. 2009. Китай: антикризисный потенциал экономики и меры борьбы с мировым кризисом. *Вопросы экономики* 6: 125–136.
- Кассель Г. 1925. *Теория конъюнктур*. М.: Тип. ЦУП ВСНХ.
- Каутский К., Бауэр О. 1923. *Изложение 2-го тома «Капитала» Карла Маркса*. М.
- Кейнс Дж. М. 1978 [1936]. *Общая теория занятости, процента и денег*. М.: Прогресс.
- Кларк Г. 2013. *Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Кондратьев Н. Д. 1989. *Проблемы экономической динамики*. М.: Экономика.
- Кондратьев Н. Д. 2002. *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения*. М.: Экономика.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е. 2012. Кондратьевские волны в мир-системной перспективе. *Кондратьевские волны: аспекты и перспективы* / Отв. ред. А. А. Акаев, Р. С. Гринберг, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 58–109. Волгоград: Учитель.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2010. *Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития*. 3-е изд., испр. и доп. М.: ЛКИ/URSS.
- Крепкий Л. М. 2007. *Регулирование экономических циклов*. М.: Экономика.
- Кудрин А. 2009. Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию. *Вопросы экономики* 1: 9–10.
- Куряев А. В. (Ред.). 2005. *Экономический цикл: анализ австрийской школы*. Челябинск: Социум.
- Лан В. И. 1976. *США: от Первой мировой до Второй мировой войны*. М.: Наука.
- Ланкастер К. 1993. Перемены и новаторство в технологии потребления. *Теория потребительского поведения и спроса* / Ред. В. М. Гальперин. СПб.: Экономическая школа. С. 326–336.
- Лескюр Ж. 1908. *Общие и периодические промышленные кризисы*. СПб.: Общественная польза.
- Макашова Н. 2002. Загадка Кондратьева: неоконченная теория динамики и методологические проблемы экономической науки. *Вопросы экономики* 3: 4–16.

- Маркс К. 1960 [1867].** Капитал. Т. 1. В: Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2-е изд. Т. 23. М.: Политиздат.
- Маркс К. 1961.** Капитал. Т. 2 [1893], 3 [1894]. В: Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2-е изд. Т. 24, 25. М.: Политиздат.
- Мендельсон Л. А. 1959 [1964].** *Теория и история экономических кризисов и циклов.* Т. 1–3. М.: Изд-во соц.-эконом. лит-ры.
- Мизес Л. фон. 2005.** *Человеческая деятельность: трактат по экономической теории.* Челябинск: Социум.
- Митчелл У. 1930.** *Экономические циклы: Проблема и ее постановка.* М.: Госиздат.
- Михайловский Н. К. 1998.** *Герои и толпа: Избр. труды по социологии.* Т. 1–2. СПб.: Алетейя.
- Мэнкью Н. Г. 1994.** *Макроэкономика.* М.: МГУ.
- Ольсевич Ю. 2009.** Психологические аспекты современного экономического кризиса. *Вопросы экономики* 3: 39–53.
- Перес К. 2011.** *Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания.* М.: Дело.
- Полетаев А. В., Савельева И. М. 1993.** *Циклы Кондратьева и развитие капитализма (опыт междисциплинарного исследования).*
- Ротбард М. Н. 2005 [1969].** Экономические депрессии: их причины и методы лечения. *Экономический цикл: анализ австрийской школы* / Ред. А. В. Куряев, с. 150–171. Челябинск: Социум.
- Сабо Е. Р. 1979.** *Революция машин. История промышленного переворота.* Будапешт: Корвина.
- Сакс Дж. Д., Ларрен Ф. Б. 1996.** *Макроэкономика. Глобальный подход.* М.: Дело.
- Самуэльсон П. Э. 1994.** *Экономика:* в 2 т. М.: НПО «Алгон», ВНИИСИ «Машиностроение».
- Самуэльсон П. Э., Нордхаус В. Д. 2009.** *Макроэкономика.* 18-е изд. М.: Вильямс.
- Скоузен М. 2005.** Кто предсказал крах 1929 года? *Экономический цикл: анализ австрийской школы* / Ред. А. В. Куряев, с. 172–215. Челябинск: Социум.
- Смит А. 1935.** *Исследование о природе и причинах богатства народов.* Т. 2. М.; Л.
- Сорокин П. 1992.** О так называемых факторах социальной эволюции. *Человек. Цивилизация. Общество* / Ред. П. А. Сорокин, с. 521–531. М.: Изд-во полит. лит-ры.
- Сорос Дж. 1996.** *Алхимия финансов.* М.: ИНФРА-М.
- Сорос Дж. 2004.** *На что следует направить американскую мощь.* М.: Альпина Бизнес Букс.
- Сорос Дж. 2008.** *Эпоха ошибок: Мир на пороге глобального кризиса.* М.: Альпина Бизнес Букс.
- Столбов М. 2009.** Эволюция монетарных теорий деловых циклов. *Вопросы экономики* 7: 119–131.
- Суэтин А. 2009а.** Кто же будет расплачиваться? (О книге Ч. Дюма «Китай и США: время расплаты».) *Вопросы экономики* 6: 151–155.

- Суэтин А. 2009б. О причинах современного финансового кризиса. *Вопросы экономики* 1: 40–51.
- Трахтенберг И. А. 1963 [1939]. *Денежные кризисы (1821–1938 гг.)*. М.: Изд-во АН СССР.
- Туган-Барановский М. И. 1917. *Основы политической экономии*. 4-е изд. Петроград: Право.
- Туган-Барановский М. И. 2008 [1913]. *Периодические промышленные кризисы*. М.: Директмедиа Паблишинг.
- Уэрта де Сото Х. 2008. *Деньги, банковский кредит и экономические циклы*. Челябинск: Социум.
- Федотова М., Плескачевский В., Рутгайзер В., Будицкий А. 2009. Поведенческая оценка: концепция поведенческих финансов и ее применение в оценке бизнеса. *Вопросы экономики* 5: 104–117.
- Фельдман А. 2009. Современный экономический кризис и производные финансовые инструменты. *Вопросы экономики* 5: 59–68.
- Фридман М. 2002. *Основы монетаризма*. М.: ТЕИС.
- Хаберлер Г. 2008. *Процветание и депрессия. Теоретический анализ циклических колебаний*. Челябинск: Социум.
- Хайек Ф. 2008. *Цены и производство*. Челябинск: Социум.
- Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2010. Системный мониторинг глобального и регионального развития. *Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, с. 11–188. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Хансен Э. 1959. *Экономические циклы и национальный доход*. М.
- Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. 2004. *Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура* / пер. с англ. М.: Праксис.
- Хикс Дж. Р. 1993. *Стоимость и капитал*. М.: Прогресс.
- Шапиро Н. 2008. Дж. М. Кейнс как завершающий экономист «мейнстрима» и предвестник теоретико-методологического плюрализма. *Вопросы экономики* 1: 120–130.
- Шостак Ф. 2005. Где мы находимся и куда нас несет. *Экономический цикл: анализ австрийской школы* / Ред. А. В. Куряев, с. 3–25. Челябинск: Социум.
- Шумпетер Й. 1982. *Теория экономического развития*. М.: Прогресс.
- Шумпетер Й. 2004. *История экономического анализа*: в 3 т. СПб.: Экономическая школа.
- Энтов Р. М. 1979. Психологическая теория цикла. *Экономическая энциклопедия. Политическая экономия* / Ред. А. М. Румянцев. Т. 3, с. 405–406. М.: Советская энциклопедия.
- Юсим В. 2009. Первопричина мировых кризисов. *Вопросы экономики* 1: 28–39.
- Abramovitz M. 1961. The Nature and Significance of Kuznets Cycles. *Economic Development and Cultural Change* 9(3): 225–248.

- Bernanke B., Gertler M., Gilchrist S. 1998.** *The Financial Accelerator in Quantitative Business Cycle Framework*. Cambridge, MA: NBER.
- Besomi D. 2005.** Clément Juglar and the Transition from Crises Theory to Business Cycle Theories. *Paper prepared for a Conference on the Occasion of the Centenary of the Death of Clement Juglar*. 2 December. Paris.
- Burns A. F., Mitchell W. C. 1946.** *Measuring Business Cycles*. New York: National Bureau of Economic Research.
- Cassel G. 1932.** *Theory of Social Economy*. London.
- Clark J. M. 1934.** *Strategic Factors in Business Cycles*. New York, NY: National Bureau of Economic Research.
- Dumas Ch. 2008.** *China and America: A Time of Reckoning*. London: Profile Books.
- Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. 1999.** *Global Transformations. Politics, Economics and Culture*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Gellner E. 1983.** *Nations and Nationalism*. Oxford: Blackwell.
- Gille B. 1976.** Banking and Industrialisation in Europe 1730–1914. *The Industrial Revolution. 1700–1914* / Ed. by C. M. Cipolla. London – New York, NY: Harvester Press – Barnes & Noble. P. 255–300.
- Goldstein J. 1988.** *Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Grinin L. E. 2006.** Periodization of History: A Theoretic-Mathematical Analysis. *History & Mathematics: Analyzing and Modeling Global Development* / Ed. by L. Grinin, V. de Munck, A. Korotayev, pp. 10–38. Moscow: KomKniga/URSS.
- Grinin L. E. 2007a.** Production Revolutions and Periodization of History: A Comparative and Theoretic-mathematical Approach. *Social Evolution & History* 6(2): 11–55.
- Grinin L. E. 2007b.** Production Revolutions and the Periodization of History. *Herald of the Russian Academy of Sciences* 77(2): 150–156.
- Grinin L. E. 2010.** The Logic of Kondratieff Waves Dynamics. *Труды Третьей международной конференции «Математическое моделирование социальной и экономической динамики» (MMSED-2010), 23–25 июня* / Науч. ред. Г. Дмитриев, А. П. Петров, Н. П. Третьяков, с. 79–81. М.: ЛЕНАНД.
- Grinin L. E. 2012.** *Macrohistory and Globalization*. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2010.** Will the Global Crisis Lead to Global Transformations. 1. The Global Financial System: *Pros and Cons*. *Journal of Globalization Studies* 1(1): 70–89.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014.** Interaction between Kondratieff Waves and Juglar Cycles. *Kondratieff Waves. Juglar – Kuznets – Kondratieff. Yearbook* / Ed. by L. E. Grinin, T. C. Devezas, A. V. Korotayev, pp. 25–95. Volgograd: 'Uchitel' Publishing House.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2015a.** *Great Divergence and Great Convergence: A Global Perspective*. N. p.: Springer.
- Grinin, L. E., Korotayev A. V. 2015b.** Global Population Ageing, the Sixth Kondratieff Wave, and the Global Financial System. *History and Mathematics: Political*

- Demography and Global Ageing* / Ed. by J. A. Goldstone, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Volgograd: 'Uchitel' Publishing House.
- Grinin L., Korotayev A., Malkov S. 2010.** A Mathematical Model of Juglar Cycles and the Current Global Crisis. *History & Mathematics: Processes and Models of Global Dynamics* / Ed. by L. Grinin, P. Herrmann, A. Korotayev, A. Tausch, pp. 138–187. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E., Korotayev A. V., Tausch A. 2016.** *Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery*. Springer. In press.
- Haberler G. 1958.** *Prosperity and Depression. Theoretical Analysis of Cyclical Movements*. London.
- Haberler G. 1964 [1937].** *Prosperity and Depression. Theoretical Analysis of Cyclical Movements*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Hayek F. A. von. 1931.** *Prices and Production*. London: Routledge.
- Hayek F. A. von. 1933.** *Monetary Theory and the Trade Cycle*. London: Jonathan Cape.
- Hawtrey R. G. 1913.** *Good and Bad Trade*. London: Longmans.
- Hawtrey R. G. 1926.** *Monetary Reconstruction*. 2nd ed. London: Longmans.
- Hawtrey R. G. 1928.** *Trade and Credit*. 2nd ed. London: Longmans.
- Huang P. C. C. 2002.** Development or Involution in Eighteenth-Century Britain and China? *The Journal of Asian Studies* 61: 501–538.
- Juglar C. 1862.** *Des Crises Commerciales et de leur retour périodique en France, en Angleterre et aux États-Unis*. Paris: Guillaumin.
- Juglar C. 1889.** *Des Crises Commerciales et de leur retour périodique en France, en Angleterre et aux États-Unis*. 2nd ed. Paris: Alcan.
- Kitchin J. 1923.** Cycles and Trends in Economic Factors. *Review of Economic Statistics* 5: 10–16.
- Kuznets S. S. 1930.** *Secular Movement in Production and Prices*. Boston, MA: Houghton Mifflin Co.
- Kuznets S. S. 1966.** *Modern Economic Growth. Rate, Structure and Spread*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Kwasnicki W. 2008.** *Kitchin, Juglar and Kuznetz Business Cycles Revisited*. Wrocław: Institute of Economic Sciences.
- Laveleye E. de 1865.** *Le marché monétaire et ses crises depuis cinquante ans*. Paris.
- Lavington F. 1922.** *The Trade Cycle, an Account of the Causes Producing Rhythmical Changes in the Activity of Business*. London: P. S. King.
- Lucas R. E. 1990.** *Studies in Business-Cycle Theory*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Maddison A. 2010.** *World Population, GDP and Per Capita GDP, A.D. 1–2008*. URL: www.gdc.net/maddison.
- Mills J. 1868.** On Credit Cycles and the Origin of Commercial Panics. *Transactions of the Manchester Statistical Society* 1867–1868: 5–40.
- Minsky H. P. 1983.** The Financial Instability Hypothesis: An Interpretation of Keynes and an Alternative to 'Standard' Theory. *John Maynard Keynes. Critical Assessments* / Ed. by J. C. Wood, pp. 282–292. London: Business & Economics.

- Minsky H. P. 1985.** The Financial Instability Hypothesis: A Restatement. *Post-Keynesian Economic Theory: A Challenge To Neo Classical Economics* / Ed. by P. Arestis, T. Skouras, pp. 24–55. Brighton: M. E. Sharpe.
- Minsky H. P. 1986.** *Stabilizing an Unstable Economy*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Minsky H. P. 2005.** *Induced Investment and Business Cycles*. Cheltenham, UK – Northampton, MA: Edward Elgar.
- Mises L. von. 1981 [1912].** *The Theory of Money and Credit*. Indianapolis, IN: Liberty Fund.
- Morgan M. S. 1991.** *The History of Econometric Ideas*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mokyr J. 1999.** Editor's Introduction: The new Economic History and the Industrial Revolution. *The British Industrial Revolution: An Economic Perspective* / Ed. by J. Mokyr, pp. 1–84. Boulder, CO: Westview Press.
- Mokyr J. 2010.** *The Enlightened Economy: An Economic History of Britain, 1700–1850*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Mokyr J., Foth H.-J. 2010.** Understanding Growth in Europe, 1700–1870: Theory and Evidence. *The Cambridge Economic History of Modern Europe* / Eds. S. Broadberry, K. H. O'Rourke. Vol. 1. 1700–1870, pp. 7–42. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pigou A. C. 1929.** *Industrial Fluctuations*. 2nd ed. London: Macmillan.
- Pigou A. C. 1967.** *Industrial Fluctuations*. New York, NY: A. M. Kelley.
- Pomeranz K. 2000.** *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Schäfer U. 2009.** *Der Crash des Kapitalismus*. Frankfurt: Campus Verlag.
- Schumpeter J. A. 1939.** *Business Cycles*. New York, NY: McGraw-Hill.
- Schumpeter J. A. 1954.** *History of Economic Analysis*. London: George Allen & Unwin.
- Sornette D. 2003.** *Why Stock Markets Crash. Critical Events in Complex Financial Systems*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Taussig F. W. 1925.** *Principles of Economics*. 3rd ed. Vol. I. New York, NY: Macmillan.